

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XV¹⁾.

Вода въ Россіи заимствованный съ Запада институтъ государственныхъ обвинителей, составители Судебныхъ Уставовъ стояли передъ трудною задачею. Надо было создать должностное лицо, несущее новыя, необычныя обязанности и дѣйствующее не въ тиши „присутствій“, а въ обстановкѣ публичнаго столкновенія и обмѣна убѣжденныхъ взглядовъ,—и дѣйствующаго при томъ невѣдомымъ дотолѣ оружіемъ—живымъ словомъ. Гдѣ было взять пригодныхъ для этого людей? Не будутъ ли они слѣпыми подражателями западнымъ образцамъ, не перенесутъ ли они на русскую почву страстныхъ и трескучихъ пріемовъ французскихъ обвинителей, столь часто обращающихъ свое участіе въ судебныхъ преніяхъ въ запальчивую травлю подсудимаго? Богатый образчиками въ видѣ подлинныхъ и переводныхъ рѣчей французскихъ прокуроровъ, путь такого подражанія, сравнительно легкой и свободный отъ смущающихъ душу сомнѣній, являлся опаснымъ. На немъ могъ выработаться типъ настойчиваго обвинителя *quand même et malgré tout*,—обвинителя, такъ блестяще охарактеризованнаго Лабуля, изобразившимъ его говорящимъ присяжнымъ про подсудимаго: „я беру его со времени рожденія; имѣя годъ отъ роду, онъ укусилъ свою кормилицу,—двухъ лѣтъ онъ показалъ языкъ своей матери,—трехъ лѣтъ укралъ два куса

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

изъ сахарницы своего дѣда,—четырехъ лѣтъ таскалъ яблоки изъ чужого сада, и если негодяй въ пять лѣтъ отъ роду не сдѣлался отцеубійцей, то лишь потому, что имѣлъ счастье быть сиротой“. На этомъ пути дешевый успѣхъ и легкая карьера всего болѣе могли бы быть обезпечены и тѣмъ нежелательнѣе былъ онъ для правосудія. Нѣмецкій Staatsanwalt того времени былъ въ сущности докладчикомъ тщательно составленной записки, въ которой мертвая догматика часто занимала мѣсто краснорѣчиваго голоса жизни. Сознавая недостатки своихъ приемовъ, нѣмецкіе обвинители съ тѣхъ поръ постепенно вступили на путь французскаго краснорѣчія, утративъ въ немъ блестящую форму и галльское остроуміе, но придавъ судебнымъ превіямъ и отдѣльнымъ заявленіямъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ громкихъ процессовъ послѣдняго времени, тяжеловѣсный и грубый характеръ. Не подходила во многомъ для подражанія—въ силу особенностей британскаго уголовнаго процесса—и рѣчь англійскаго обвинителя, раздѣленная цѣлымъ перекрестнымъ вопросомъ на двѣ отдѣльныя и независимыя одна отъ другой части, при чемъ въ первой обвинитель говорилъ о томъ, что онъ будетъ доказывать, а во второй дѣлалъ выводы о томъ, что онъ, по его мнѣнію, доказалъ на судебномъ слѣдствіи.

Въ старомъ судебномъ строѣ была прекрасная должность губернскаго прокурора. Наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ Екатерининскихъ учрежденій—должность эта, при всей своей полезности,—къ сожалѣнію, не достаточно сознаанной при послѣшномъ ея упраздненіи,—не представляла однако элементовъ для выработки обвинительныхъ приемовъ. „Блюститель закона“ и „Царское око“—охранитель интересовъ казны и свободы частныхъ лицъ въ случаяхъ учрежденія опеки съ ограниченіемъ ихъ правъ,—ходатай за арестантовъ и наблюдатель за содержаніемъ ихъ „безъ употребленій орудій, закономъ воспрещенныхъ“,—внимательный „читатель“ опредѣленій всѣхъ присутственныхъ мѣстъ,—возбудитель „безгласныхъ“ дѣлъ, находившійся въ прямыхъ сношеніяхъ съ министромъ юстиціи, губернской прокуратурой, по существу своихъ правъ и обязанностей, былъ представителемъ центральной правительственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія. Но во всей его многообразной дѣятельности не было почвы для судебного состязанія, при которомъ взаимно создаются и разрушаются аргументы и устанавливаются новыя и не всегда ожидаемыя точки зрѣнія не только на приложеніе закона, но и на личность подсудимаго, взятую не отвлеченно, а выхваченную изъ жизни со всѣми своими корнями и вѣтвями. При томъ на практикѣ губернскіе прокуроры, за нѣсколькими блестящими исключеніями въ родѣ Ровинскаго или Ланге,

далеко не соответствовали идеалу, начертанному въ учрежденіи о губерніяхъ. Если ко многимъ изъ нихъ было бы несправедливо при- мѣнить рѣшительную оцѣнку Собакевича въ его отзывѣ о „христо- продацахъ“, то не лишеннымъ справедливости представлялось на- путствіе Чичикова умершему губернскому прокурору: „а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, то на повѣрку у тебя всего только и было, что густыя брови“.

Такимъ образомъ не было ни школы, ни подготовки для про- куроровъ-обвинителей, кромѣ вредныхъ и чуждыхъ образцовъ, но былъ зато на-лицо вѣчный прицѣвъ противъ осуществленія реформъ, призванныхъ оживить и облагородить нашъ общественный строй: „нѣтъ людей“! Жизнь, однако, блистательно опровергла эти зловѣ- щія опасенія, способныя оправдать всякія неудачи и подорвать всякія начинанія. Люди нашлись. Быстро и съ запасомъ неожидан- ныхъ силъ появился у насъ въ первые же мѣсяцы послѣ преобра- зованія судовъ судебные ораторы, не только глубоко понявшіе свою новую роль, но и умѣвшіе владѣть словомъ и вносящіе въ это умѣнье иногда и истинный талантъ. И не слѣпыми подражателями французскому образцу явились они. Самостоятельно пошла они своей дорогой, еще разъ доказавъ способность духовной природы русскаго человѣка. Если еще рано говорить о вполне выработан- номъ типѣ русскаго прокурора, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что общій характеръ и приемы русской обвинительной рѣчи имѣли очень мало общаго съ тѣмъ, что, подъ вліяніемъ страстности національнаго темперамента, односторонняго отношенія къ подсудимому и освященныхъ годами привычекъ, излагаютъ на судѣ, въ большинствѣ, французскіе прокуроры. Основныя черты слагавшагося русскаго типа обвинителя были—за исключеніемъ рѣд- кихъ, но печальныхъ уклоненій въ область бездушнориториче- ской, спокойствіе, отсутствіе личнаго озлобленія противъ подсудимаго, опрятность приемовъ обвиненія, чуждая и возбужденію страстей, и искаженію данныхъ дѣла и, наконецъ, что весьма важно, полное от- сутствіе лицедейства въ голосѣ, въ жестѣ и въ способѣ держать себя на судѣ. Къ этому надо прибавить простоту языка, свободнаго, въ большинствѣ случаевъ, отъ вычурности или отъ громкихъ и „жал- кихъ“ словъ. Лучшіе изъ нашихъ судебныхъ ораторовъ новаго времени поняли, что въ стремленіи къ истинѣ всегда самыя глубокія мысли сливаются съ простѣйшимъ словомъ. Слово—одно изъ величайшихъ орудій человѣка. Безсильное само по себѣ—оно становится могу- чимъ и неотравимымъ, сказанное умѣло, искренно и въ-время. Оно способно увлекать за собою самого говорящаго и ослѣплять его и окружающихъ своимъ блескомъ. Поэтому нравственный долгъ судеб-

наго оратора—обращаться осторожно и умеренно съ этимъ оружіемъ и дѣлать свое слово лишь слугою глубокаго убѣжденія, не поддаваясь соблазну красивой формы или *видимой* логичности своихъ построеній и не заботясь о способахъ увлечь кого-либо своею рѣчью. Онъ долженъ не забывать совѣта Фауста Вагнеру: „говори съ убѣжденіемъ, слова и вліяніе на слушателей придутъ сама собою“.

Судебные Уставы, создавая прокурора-обвинителя, начертали и нравственныя требованія, которыя облегчаютъ и возвышаютъ его задачу, отнимая у исполненія ея формальную черствость и бездушную исполнительность. Такъ, они устроили, указывая задачу прокурора, требованіе обвиненія во что бы то ни стало, и старались удержать его отъ близорукости или ослѣпленной односторонности. Составители Уставовъ, въ своей объяснительной запискѣ 1863 г., указывали на необходимость вмѣнить обвинителю въ обязанность не возбуждать непріязненныхъ къ подсудимому чувствъ. Въ окончательной редакціи это вылилось въ наставленіи прокурору, что въ рѣчи своей онъ не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе доказательствъ и уликъ, или важности преступленія. Такимъ образомъ, въ силу этихъ этическихъ требованій, прокуроръ приглашается сказать свое слово даже въ опроверженіе обстоятельствъ, *казавшихся*, при преданіи суду, сложившимися противъ подсудимаго, при чемъ въ оцѣнкѣ и взвѣшиваніи доказательствъ онъ вовсе не стѣсненъ цѣлями обвиненія. Иными словами ему сказано, что онъ *говорящій публично судья*. На обязанности его лежитъ сгруппировать и провѣрить все изобличающее подсудимаго и, если подведенный имъ итогъ съ необходимымъ и обязательнымъ учетомъ всего, говорящаго въ пользу обвиняемаго, создастъ въ немъ убѣжденіе въ виновности послѣдняго, заявить о томъ суду. Сдѣлать это надо въ связномъ и послѣдовательномъ изложеніи, со спокойнымъ достоинствомъ исполняемаго грустнаго долга, безъ пафоса, негодованія и преслѣдованія какой-либо иной цѣли, кромѣ правосудія, которое достигается не *непремѣннымъ согласіемъ* суда съ доводами обвинителя, а *непремѣннымъ выслушаніемъ* ихъ.

Такимъ взглядомъ на свои обязанности было проникнуто большинство членовъ прокуратуры въ столицахъ и провинціи въ первое десятилѣтіе судебной реформы. Тогда въ устахъ прокурора слово „проигралъ дѣло“ по случаю оправдательнаго приговора было бы большимъ диссонансомъ со всѣмъ характеромъ дѣятельности, тогда еще не успѣвъ проявить свое дѣйствіе министерскій циркуляръ, требовавшій отчета о числѣ и причинѣ

оправданій по обвиненіямъ, поддерживаемымъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Когда одинъ изъ товарищей прокурора, прѣдя сказать мнѣ объ исходѣ своего обвиненія въ рядѣ мошенничествъ, сказалъ мнѣ: „ну хоть я и проигралъ, но зато *ему* всю морду сапогомъ вымазалъ,—останется доволенъ!“ , разумѣя подъ *нимъ* подсудимаго, я устранилъ его надолго отъ выступленій въ качествѣ обвинителя, возложивъ на него другія обязанности. „Пройтись на счетъ подсудимаго“, безъ сомнѣнія, иногда бываетъ соблазнительно, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель глубоко убѣжденъ въ его виновности и возмущенъ его поступкомъ, какъ отраженіемъ нравственной неурядности личности обвиняемаго. Но этому соблазну не слѣдуетъ поддаваться. На государствѣ лежитъ задача охраненія общества, между прочимъ, преслѣдованіемъ нарушителей закона, и практическое служеніе этой важной задачѣ выпадаетъ въ судебномъ состязаніи на долю прокурора-обвинителя. Исполняя свой тяжелый долгъ, онъ служитъ обществу. Но это служеніе только тогда будетъ полезно, когда въ него будетъ внесена строгая нравственная дисциплина и когда интересъ общества и человѣческое достоинство личности будутъ ограждаться съ одинаковою чуткостью и усердіемъ. Знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ въ своей рѣчи „о назиданіи ссыльных“ гоноритъ, что относиться къ преступнику надо „съ христіанскою любовью, съ простотою и снисхожденіемъ и остерегаться всего, что унижаетъ или оскорбляетъ: низко преступленіе, а человѣкъ достоинъ сожалѣнія“. Но если таково должно быть отношеніе къ *осужденному* преступнику, составляющее одну изъ прекрасныхъ нравственныхъ чертъ русскаго народа,—то нѣтъ никакого основанія иначе относиться къ *подсудимому*. А это должно неминуемо отражаться на формахъ и пріемахъ обвинительной рѣчи, нисколько не ослабляя ея правовой и фактической доказательности.

Поэтому въ обвинительной рѣчи совершенно недопустима насмѣшка надъ подсудимымъ или употребленіе относительно его тѣхъ эпитетовъ, которые могутъ найти себѣ мѣсто для характеристики его личности и дѣйствій въ частномъ разговорѣ лишь послѣ того, какъ о немъ состоится обвинительный приговоръ. Точно такъ же неумѣстенъ и юморъ въ рѣчи прокурора. Не говори уже о томъ, что это оружіе—обоюдоострое и требующее въ обращеніи съ собой большого умѣнья, тонкаго вкуса и спеціальнаго дарованія, юмористическія выходки — къ которымъ, къ слову сказать, перѣдко прибѣгаютъ повѣренные гражданскихъ истцовъ — противорѣчатъ той „печали трезвой мысли зрѣлой“, которою должна быть проникнута рѣчь понимающаго свои обязанности обвинителя.

Мнѣ вспоминается, какъ въ одномъ весьма серьезномъ процессѣ, разбиравшемся въ Судебной Палатѣ, защитникъ, пробовавшій внести юморъ въ свою рѣчь и постоянно цитировавшій куплеты изъ „Стряпчяго подъ столомъ“—былъ остановленъ угрюмымъ замѣчаніемъ Старшаго предсѣдателя: „не довольно ли водевилей?“ Въ другомъ, тоже крупномъ дѣлѣ, повѣренный гражданскихъ истцовъ, разбирая въ своей рѣчи вредное для него показаніе свидѣтеля, приняшаго участіе въ 1871 году въ возстаніи коммуны въ Парижѣ, сказалъ, стараясь вызвать веселое настроеніе въ публикѣ: „но вѣдь что такое этотъ свидѣтель?—это бывшій коммунаръ, а коммунары такіе люди, что одинъ извѣстнѣйшій писатель сказалъ, что если бы ихъ накрыть стекляннмъ колпакомъ, то они переѣли бы другъ друга, какъ свиньи“. На вопросъ мой при встрѣчѣ: кто этотъ извѣстнѣйшій писатель? онъ весело отвѣчалъ мнѣ: „а я почему знаю?“. Нельзя того же, что объ юморѣ, сказать про иронию. Тамъ, гдѣ она имѣетъ своимъ источникомъ лживыя объясненія подсудимаго и свидѣтелей, направленные къ тому, чтобы „втереть очки“, иронія можетъ служить хорошимъ средствомъ для яркаго и образнаго разоблаченія обмана.

Отчеты объ уголовныхъ процессахъ послѣднихъ лѣтъ показываютъ, однако, что въ отношеніе къ подсудимому иногда начинаетъ вноситься развязность тона, которая, по моему мнѣнію, не находитъ себѣ оправданія въ задачахъ обвинителя. Нѣтъ сомнѣнія, что для характеристики подсудимаго прокуроръ имѣетъ право пользоваться данными, почерпнутыми изъ предосудительныхъ сторонъ его дѣятельности, выразившихся въ руководящихъ побужденіяхъ его преступнаго дѣянія, и что онъ можетъ дѣлать выводы изъ справокъ о судимости по однороднымъ дѣламъ. Но касаться наружности подсудимаго или копать въ его прошломъ, не имѣющемъ прямого отношенія къ разсматриваемому дѣлу, или почерпнуть матеріалъ для характеристики въ отношеніи къ подсудимому тѣхъ или другихъ общественныхъ сферъ—значить злоупотреблять своимъ положеніемъ. Поэтому, напрямѣръ, изъ моихъ ушахъ прокурора старыхъ временъ болѣзненно звучатъ такіе эпитеты, какъ „герония бульварной прессы“, „львица Биржевыхъ Вѣдомостей“,— „престарѣлая прелестница, промышленявшая своими дряхлѣющими прелестями и своимъ вліяніемъ на сіятельныхъ старичковъ“, или удивленіе товарища прокурора, что среди людей могутъ существовать такіе субъекты, какъ подсудимый, „являющій собою нѣчто худшее, чѣмъ даже тигръ—врагъ человѣчества“, или, наконецъ, названіе подсудимаго морскимъ чудищемъ. Вообще обращеніе къ спеціальнымъ областямъ знанія—къ физикѣ, химіи, астрономіи, зоологіи и т. п. должно

покояться на точномъ знаніи того, о чемъ говорится, иначе прѣмѣры изъ этихъ областей могутъ оказаться крайне неудачными. Весьма тяжело слышать или видѣть, когда обвинитель не брезгаетъ въ своихъ цѣляхъ ничѣмъ, подобно Осипу въ „Ревизорѣ“, говорящему „давай и веревочку—и веревочка пригодится“. Мнѣ пришлось председательствовать по дѣлу, въ которомъ талантливый товарищъ прокурора палаты, сдѣлавшій затѣмъ блестящую и высокую карьеру, желая „доѣхать“ подсудимаго, обвинянаго въ поддѣлкѣ акцій, ставилъ ему въ вину найденный въ его бумагахъ счетъ маленькаго портного съ заголовкомъ—*Ego Сіятельству N. N.* Обвинитель усматривалъ въ этомъ стремленіе подсудимаго присвоить себѣ непринявшаго титулъ, за что и выслушалъ заслуженную и серьезную отвѣдь защитника, напомнившего оратору кое-что изъ его собственной біографіи и обратившаго вниманіе присяжныхъ на привычку извозчиковъ лихачей, обращающихся ко всѣмъ, хорошо одѣтымъ, сѣдокамъ съ этимъ же самымъ титулованіемъ.

Если по отношенію къ личности подсудимаго можно желать спокойной сдержанности обвинителя, сильнаго въ доводахъ, а не въ запятаяхъ, то еще болѣе можно требовать отъ послѣдняго уваженія къ суду представителей общественной совѣсти. Рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, конечно, не всегда безупречны съ точки зрѣнія соответствія ихъ отвѣта на вопросъ о виновности съ данными, собранными противъ обвиняемаго, который при томъ перѣдко и самъ сознался. Но не надо забывать, что этотъ отвѣтъ подсказывается господствующими въ обществѣ воззрѣніями и чувствами и что слова: „нѣтъ, невиновенъ“, лишутся, какъ итогъ соображенія уже перенесенныхъ подсудимымъ страданій, долговременнаго лишенія свободы и той неуловимой, но осязательной житейской правды, въ силу которой подъ справедливостью разумѣется не одно лишь возмездіе. „*Qui n'est que juste—est cruel*“, справедливо говорятъ французы. Поэтому среди рѣшеній присяжныхъ встрѣчаются такія, съ которыми—съ юридической точки зрѣнія—трудно согласиться, но нѣтъ такихъ, которыхъ нельзя было бы объяснить, и слѣдовательно и понять. Высоко цѣня судъ присяжныхъ, какъ общественное учрежденіе, и считая непозволительнымъ относиться съ упрекомъ къ голосу ихъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго перѣдко тяжелымъ трудомъ участія въ судебномъ засѣданіи, прокуратура моего времени никогда не рѣшалась высказывать присяжнымъ порицаніе за ихъ приговоры. А между тѣмъ нынѣ зачастую встрѣчаются въ печати указанія на то, что въ обвинительной рѣчи товарищъ прокурора, ссылаясь на предшествовавшій оправдательный

приговоръ, говорить: „Сегодня вы уже оправдали одного грабителя“, или: „послѣ того, какъ вы ужъ оправдали мошенника“, или заканчиваетъ свою рѣчь словами: „впрочемъ, принимая во вниманіе вашу оправдательный вердиктъ по первому дѣлу, не стоитъ говорить, какъ вамъ поступить съ подсудимымъ“. Послѣдствіемъ такихъ заявленій бывала просьба присяжныхъ о занесеніи въ протоколъ оскорбительнаго къ нимъ отношенія представителя обвинительной власти.

Особаго такта и выдержки требуетъ и отношеніе обвинителя къ противнику въ лицѣ защитника. Прокурору не приличествуетъ забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая съ нимъ цѣль содѣйствовать, съ разныхъ точекъ зрѣнія, суду въ выясненіи истины доступными человѣческими силами средствами и что добросовѣстному исполненію этой обязанности, хотя бы и направленному къ колебанію и опроверженію доводовъ обвинителя, ни коимъ образомъ нельзя отказывать въ уваженіи. Это прекрасно понималось въ первые годы существованія новыхъ судовъ, и я лично съ искреннимъ чувствомъ симпатіи и уваженія вспоминаю своихъ, нынѣ покойныхъ, противниковъ въ Харьковѣ, Казани и Петербургѣ. Мы часто горячо и убѣжденно боролись, но никогда ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ не приходилось слышать по своему адресу какихъ-либо личныхъ упрековъ, инсинуаций или задорныхъ выпадовъ, и думаю, что и никому изъ насъ поставить въ вину что-либо подобное тоже было невозможно. Какъ живой проходятъ предо мною покойный же В. Д. Спасовичъ съ его рѣзкими угловатыми жестами, неправильными удареніями надъ непослушными, но вѣскими словами, которыя онъ вбивалъ какъ гвозди въ точно соответствующія имъ понятія,—съ чудесной архитектурой рѣчей, изъ которыхъ глубокая психологія сливалась съ долгимъ житейскимъ опытомъ. Изъ cadaго нашего состязанія съ нимъ я выносилъ поучительный примѣръ строго нравственнаго отношенія къ приемамъ и формамъ судебной борьбы и воспоминаніе о широкихъ горизонтахъ философскихъ, соціальныхъ и даже естественно-научныхъ знаній, которые онъ такъ искусно умѣлъ открывать взору слушателя сквозь лѣсную чащу фактическихъ данныхъ дѣла. Съ нимъ мнѣ чаще всего приходилось состязаться, или, какъ онъ любилъ выражаться, „скрецивать шпаги“. Но на чью бы сторону изъ насъ ни склонялись вѣсы приговора, я возвращался домой благодарнымъ ученикомъ моего перваго профессора уголовного права. Не разъ послѣ жаркихъ преній, въ которыхъ мы, не задѣвая лично другъ друга, наносили взаимно чувствительные удары, мы ѣхали съ нимъ въ засѣданіе неофициальнаго тогда юридическаго общества, собиравшагося у него

на квартирѣ, и общими силами разрабатывали различные вопросы въ духѣ Судебныхъ уставовъ. Въ моихъ „Судебныхъ рѣчахъ“¹⁾ и въ пятомъ томѣ сочиненій Спасовича помѣщены судебныя пренія по дѣлу Янсенъ и Акваръ, обвиняемыхъ во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и по дѣлу Егора Емельянова, обвиняемаго въ утопленіи своей жены,—которые характеризуютъ приемы и способы судебной борьбы между нами. По обоимъ дѣламъ послѣдовали обвинительные приговоры. Въ дѣлѣ Емельянова, по окончаніи судебного слѣдствія, Спасовичъ сказалъ мнѣ: „вы, конечно, откажетесь отъ обвиненія: дѣло не даетъ вамъ никакихъ красокъ—и мы могли бы еще сегодня собраться у меня на юридическую бесѣду“. — „Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, краски есть: онѣ на палитрѣ самой жизни и въ роковомъ стеченіи на одной узкой тропинкѣ подсудимаго, его жены и его любовницы“. Несмотря на горячія нападенія Спасовича на то, что онъ называлъ „романомъ, рассказаннымъ прокуроромъ“, присяжные согласились со мной, и Спасовичъ подвезъ меня домой, дружелюбно бесѣдуя о предстоявшемъ на другой день засѣданіи юридическаго общества, гдѣ долженъ былъ разбираться запутанный въ то время вопросъ о существѣ самоуправства. Вспоминаю я Буймистрова съ его содержательнымъ и вѣскимъ словомъ,—взволнованную и изящную, всегда проникнутую искреннимъ чувствомъ рѣчь Лыкова,—тонкое словесное кружево Хартуларн и красивую, живую рѣчь Герарда. Конечно, дѣло не обходится и безъ комическихъ воспоминаній. Такъ возстаетъ въ нихъ предомною плечью образованный и словообильный защитникъ, рѣчи котораго, богатая историческими ссылками и не всегда удачными цитатами изъ Священнаго Писанія, скорѣе походила на горячія публицистическія статьи, при чемъ его пафосъ не достигалъ своей цѣли вслѣдствіе страннаго расположенія опредѣленій, которыя шли обыкновенно въ убывающемъ по силѣ порядкѣ. „Господа присяжные!“ восклицалъ онъ: „положеніе подсудимаго предъ совершеніемъ имъ преступленія было поистинѣ *адское*. Его нельзя не назвать *трагическимъ* въ высшей степени. *Драмматизмъ* состоянія подсудимаго былъ *ужасенъ*; оно было *невыносимо*, оно было чрезвычайно *тяжело* и, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ *неудобно*“. Защищая женщину, имѣвшую послѣдовательно рядъ любовниковъ и отравившую жену послѣдняго изъ нихъ, онъ, ссылаясь на прошлое подсудимой, просилъ объ оправданіи, приводя въ примѣръ Христа, простившаго блудницу, „заже возлюбила много“, что дало поводъ обвинителю замѣтить, что защитникъ, повидямому, не различаетъ разницы между

¹⁾ С.-Петербургъ. 1906 г. Изд. 4-ое.

много и многих.—Я не могу забыть и двухъ молодыхъ адвокатовъ въ Харьковѣ. Одинъ изъ нихъ горячо протестовалъ противъ предложенной мною низшей мѣры самаго слабаго по уложенію наказанія за преступленіе подсудимаго, и на предложеніе Суда высказаться, чего же онъ хочетъ,—по незнакомству съ *льстницею наказаній* требовалъ перехода отъ арестантскихъ отдѣленій на *одинъ годъ* къ смиренному дому на *четыре* года и затѣмъ, запутавшись окончательно, сталъ просить перейти для своего кліента къ слѣдующему роду наказанія, а когда оно оказалось заключеніемъ въ крѣпости на *нѣтъ лѣтъ*, то, безнадежно махнувъ рукою, бросилъ уложеніе о наказаніяхъ и сѣлъ на свое мѣсто. Другой же по дѣлу объ убійствѣ въ дракѣ, — при чемъ старшиной присяжныхъ былъ бывший профессоръ уголовного права, отличавшійся въ своихъ сочиненіяхъ очень тяжелымъ слогомъ,—желая блеснуть опредѣленіемъ драки, сказалъ съ большою увѣренностью въ себѣ: „Драка, господа присяжные засѣдателя, есть такое состояніе, субъектъ котораго, выходя изъ границъ дозволеннаго, совершаетъ вторженіе въ область охраняемыхъ государствомъ объективныхъ правъ личности, стремясь нарушить цѣлость ея физическихъ покрововъ повторнымъ нарушеніемъ таковыхъ правъ. Если одного изъ этихъ элементовъ нѣтъ на лицо, то мы не имѣемъ юридическаго основанія видѣть во взаимной коллизіи субстанцію драки“, — „Господа присяжные засѣдатели“, долженъ былъ сказать я въ своемъ возраженіи: „я думаю, что вамъ всѣмъ извѣстно—и пожалуй по собственному опыту издѣтства,—что такое драка. Но ужъ если нужно ее въ точности опредѣлить,—то позвольте вмѣсто длинной формулы защитника сказать, что драка есть такое состояніе, въ которомъ одновременно каждый изъ участниковъ наноситъ и получаетъ удары“. — „Что вы сдѣлали, сказалъ мнѣ защитникъ, когда присяжные ушли совѣщаться: вѣдь я это опредѣленіе составилъ совершенно въ духѣ старшины-профессора и увѣренъ, что онъ его оцѣнилъ: недаромъ онъ такъ внимательно склонилъ голову на бокъ и одобрительно ею покачивалъ“.

Составители Судебныхъ Уставовъ разумѣли уголовную защиту какъ *общественное служеніе*. Въ ихъ глазахъ уголовный защитникъ представляется какъ *vir bonus, dicendi peritus*, вооруженный знаніемъ и глубокой честностью, умѣренный въ приемахъ, безкорыстный въ матеріальномъ отношеніи, независимый въ убѣжденіяхъ, стойкій въ своей солидарности съ товарищами. Онъ долженъ былъ являться лишь правозаступникомъ и дѣйствовать только на судѣ или на предварительномъ слѣдствіи, тамъ, гдѣ это допускается, быть не слугою своего кліента и не пособникомъ ему въ стремленіи уйти отъ заслуженной кары правосудія, но помощникомъ и совѣтникомъ

человѣка, который, по его искреннему убѣжденію, невиновенъ *вообще* или *вообще не такъ и не въ томъ* виновенъ, какъ и въ чемъ его обвиняютъ. Не будучи слугою кліента, защитникъ, однако, въ своемъ общественномъ служеніи слуга государства, и можетъ быть *назначенъ* на защиту такого обвиняемаго, въ помощь которому по собственному желанію онъ бы не пришелъ. И въ этомъ случаѣ его вполне безкорыстная роль почтенна, ибо нѣтъ такого падшаго и преступнаго человѣка, въ которомъ безвозвратно былъ бы затемненъ человѣческій образъ и по отношенію къ которому не было бы мѣста слову снисхожденія. Говоря, при наличности доказаннаго преступленія, о снисхожденіи—защитникъ исполняетъ свою обязанность—свою завидную обязанность—вызывать на-ряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступное дѣло, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному. Къ этому идеалу защитника болѣе или менѣе стремились почти все изъ адвокатовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, будучи прокуроромъ. Къ сожалѣнію, внѣшнія обстоятельство, а отчасти и невѣрный взглядъ на смыслъ своей дѣятельности уже и тогда начинали способствовать образованію той наклонной плоскости, по которой постепенно начали двигаться многіе малодушные предъ соблазнительностью скорого и крупнаго заработка или заманчивостью дешевой и не всегда опрятной популярности. Учрежденіе присяжной адвокатуры, пришедшей на смѣну старинныхъ ходатаевъ, крючкотворцевъ и челобитчиковъ „съ задняго крыльца“—было встрѣчено горячимъ общественнымъ сочувствіемъ. Но этому сочувствію былъ нанесенъ ударъ учрежденіемъ частныхъ повѣренныхъ безъ высшаго образовательнаго ценза и сословной организаціи, наводнившихъ адвокатуру и понизившихъ ея нравственный уровень въ глазахъ публики, переставшей *im Grossen und Ganzen* различать два разныхъ элемента, входившихъ въ личный составъ того, что ею разумѣлось подъ общимъ названіемъ *адвокатовъ*. Этому содѣйствовало и то, что у насъ не введено французское раздѣленіе на *avocat* и *avoué*, строго различающее судебныя функціи адвоката отъ исполнительныхъ функцій стричаго, а къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ допускаются и совершенно чуждые адвокатурѣ люди, имѣющіе право быть представителями обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ безъ всякаго нравственнаго или образовательнаго ценза. На ряду съ этимъ въ самой средѣ присяжныхъ повѣренныхъ сталъ проводиться взглядъ на защитника, какъ на производителя труда, составляющаго известную цѣнность, оплачиваемую эквивалентомъ въ зависимости отъ тяжести работъ и способности работника. Какъ для врача, въ его практической дѣятельности, не можетъ быть дурныхъ и хоро-

шихъ людей, заслуженныхъ и незаслуженныхъ болѣзней, а есть лишь больныя и страданія, которыя надо облегчить,—такъ и для защитника нѣтъ чистыхъ и грязныхъ, правыхъ и неправыхъ дѣлъ, а есть лишь даваемый обвиненіемъ поводъ противопоставить доводамъ прокурора всю силу и тонкость своей діалектики, служа ближайшимъ интересамъ кліента и не заглядывая на далекій горизонтъ общественнаго блага. Эта теорія, опровергаемая прежде всего разностью цѣлей правосудія и цѣлей врачеванія, въ примѣненіи ея на судебной практикѣ создала не мало случаевъ, къ которымъ можно было примѣнить извѣстный стихъ Некрасова: «Лькуеть врагъ,—молчитъ въ недоумѣннѣи вчерашній другъ, поникнувъ головою». Нельзя безъ справедливой тревоги видѣть, какъ въ отдельныхъ случаяхъ защита преступника обращается въ оправданіе *преступленія*, при чемъ, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ потерпѣвшаго и виновнаго помѣнягся ролями,—или какъ широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользуваніе притѣснителю слабыхъ, развратителю невинныхъ, расхитителю чужихъ трудовыхъ сбереженій или безсовѣстному обкрадывателю народа... Въ этихъ случаяхъ невольно приходится вспомнить негодующія слова пророка Исаія: „горе глаголющимъ лукавое быти доброе и доброе—лукавое, полагающимъ тьму свѣту и свѣтъ тьмѣ“. Есть основанія для такой тревоги и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительные интересы обвиняемаго и огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствахъ приговора увлеченій, приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени—дѣлается попытка человека, а иногда и цѣлое учрежденіе, обратить въ средство для личныхъ и въ концѣ концовъ корыстныхъ цѣлей. Нерѣдко во всѣхъ этихъ случаяхъ щедро оплаченный языкъ ораторовъ оправдываетъ себя словами короля Лира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ“. Но господа, прячущіеся за этотъ афоризмъ, вѣроятно, забываютъ, что ему предшествуютъ слѣдующія слова: „Подъ шубой царчевою нѣтъ порока!—закуй злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно;—одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ онъ отъ пустой соломенки пигмея!“.

Было бы однако въ высшей степени несправедливо обобщать эти случаи и поддерживать, на основаніи такого обобщенія, слагающийся въ послѣднее время неблагопріятный и нерѣдко даже враждебный взглядъ на такую необходимую жизненную принадлежность состязательнаго процесса, какъ защита. Нельзя забывать тѣ достойныя глубокаго уваженія имена, которыя оставили и оставляютъ свой нравственный слѣдъ въ рядахъ присяжной адвокатуры и ту постоян-

ную и вполнѣ безкорыстную работу, которую, нерѣдко съ большимъ напряженіемъ силъ, приходилось и приходится нести членамъ этой адвокатуры, защищая подсудимыхъ, по назначенію отъ суда, въ огромномъ числѣ дѣлъ. Поэтому нельзя не отнестись съ крайнимъ сожалѣніемъ къ тѣмъ случаямъ, нерѣдкимъ въ послѣднее время, когда съ прокурорской трибуны раздаются намеки и даже прямыя указанія на то, что защита руководится лишь денежными соображеніями, когда, напримѣръ, говорится присяжнымъ, что „увѣренія защитника въ невинности обвиняемаго вызваны не столько убѣжденіемъ, сколько крупнымъ гонораромъ“, или что „къ психіатрическимъ экспертизамъ защитники прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ вырвать изъ рукъ правосудія своего кліента, котораго никоимъ образомъ оправдать нельзя“, или указывается на то, что защитники способны „своими закуленными руками на массажъ закона и массажъ подзащитныхъ“. Оскорбленіе противника обвиненіемъ, бросаемымъ ему лично или сословію, къ которому онъ принадлежитъ, вноситъ въ судебныя пренія крайнее раздраженіе и ядъ оскорбленнаго самолюбія. Неудивительно поэтому, что по одному дѣлу, какъ видно изъ сообщенія газетъ южной Россіи, защитникъ, на заявленіе товарища прокурора о большомъ гонорарѣ, заставляющемъ прибѣгать къ искаженію истины, отвѣтилъ расцѣпкою рѣчи обвинителя соответственно времени, употребленному на ея произнесеніе и получаемому послѣднимъ содержанію, и опредѣлялъ ея стоимость въ *пятиалтынный*.

Главнымъ образомъ должны быть признаны недопустимыми въ рѣчахъ обвинителя выходки по поводу племенныхъ или вѣроисповѣдныхъ особенностей подсудимаго и объясненіе его дѣйствій свойствами народности, къ которой онъ принадлежитъ, при чемъ эти свойства съ непродуманной поспѣшностью, въ качествѣ огульнаго обвиненія, являются результатомъ обобщенія отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою случаевъ и субъективныхъ впечатлѣній оратора. Въ бытность мою оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента я нѣсколько разъ, самымъ энергическимъ образомъ выступалъ противъ такихъ пріемовъ, и Сенатъ, въ интересахъ истиннаго правосудія, кассировалъ приговоры, состоявшіеся послѣ *такихъ* обвинительныхъ рѣчей. Сюда же надо отнести—наравнѣ со стремленіемъ расшевелить въ присяжныхъ релягиозную или племенную обособленность, во-первыхъ, занугиваніе присяжныхъ результатами ихъ оправдательнаго приговора; во-вторыхъ—пользованіе ихъ малой юридической освѣдомленностью, въ третьихъ—пренебрежительное отношеніе къ ихъ, имѣющему послѣдовать, рѣшенію, въ четвертыхъ—личное удостовѣреніе предъ ними такихъ обстоятельствъ, ко-

горя имѣютъ характеръ свидѣтельскихъ показаній, облеченныхъ въ форму дѣйствующей на воображеніе картины и въ пятыхъ—пользованіе поведеніемъ подсудимаго на судѣ, какъ уликою противъ него. Мнѣ вспоминается шустрый провинціальный прокуроръ, увалившійся тѣмъ, что умѣетъ говорить съ присяжными понятнымъ имъ языкомъ, а не „разводить—какъ онъ выражался—антимонію“. По дѣлу о *шайкѣ* конокрадовъ, наличность которой отрицала защита, онъ обратился къ присяжнымъ со слѣдующими словами: „вотъ вамъ говорятъ, что здѣсь нѣтъ шайки, а простое стеченіе виновныхъ въ одномъ преступленіи; однако, господа присяжные, посчитайте-ка по пальцамъ—сколько тутъ подсудимыхъ?!—Одинъ, два, четыре, шесть, семь!—ну какъ же не шайка?!“ — „Вамъ говорятъ—продолжалъ онъ,—что вина ихъ не доказана, и просятъ о ихъ оправданіи. Что жь! оправдайте—воля ваша! Только вотъ что я вамъ скажу: смотрю я въ окошко и вижу на дворѣ нашихъ лошадей, и брички, телѣги и нетычанки, въ которыхъ вы собрались со всѣхъ концовъ уѣзда и собираетесь уѣхать домой. Что жь! оправдайте:—пѣшкомъ уйдете!..“ Въ 1903 году товарищъ прокурора одного изъ большихъ по-волжскихъ судовъ, въ обвинительной рѣчи своей сказалъ: „я согласенъ, что улики, предъявленныя противъ подсудимыхъ, малы и ничтожны,—скажу даже болѣе, что, будь я вмѣстѣ съ вами, г-да присяжные, въ вашей совѣщательной комнатѣ, то я конечно, какъ судья, долженъ былъ бы признать эти улики недостаточными для обвиненія. Но какъ представитель обвиненія, а слѣдовательно представитель общества и государства, я поддерживаю, тѣмъ не менѣе, обвиненіе противъ подсудимыхъ и громко заявляю, что и на будущее время при столь же малыхъ уликахъ я буду составлять обвинительные акты: слишкомъ ужъ много кражъ развилось за послѣднее время, и мы будемъ оберегать отъ нихъ общество, засаживая въ предварительное заключеніе заподозрѣнныхъ воровъ-рецидивистовъ, хотя бы и по такимъ уликамъ“. Въ старыя годы такое заявленіе въ устахъ лица прокурорскаго надзора было немыслимо, какъ по своему цинизму, такъ и по совершенному извращенію задачъ обвинителя на судѣ.

Въ воспоминаніяхъ о *свидѣтеляхъ* я уже говорилъ о томъ, какъ осторожно и въ какихъ узкихъ предѣлахъ допустимо взвѣшивать поведеніе подсудимаго на судѣ. Въ моей ранней практикѣ былъ случай, послужившій мнѣ въ этомъ отношеніи тяжелымъ и поучительнымъ урокомъ. Въ качествѣ молодого товарища прокурора Харьковскаго окружного суда я обвинялъ одного мѣщанина въ растлѣніи тринадцатилѣтней дѣвочки. Подсудимый отрицалъ свою вину, а эксперты, какъ тогда часто случалось, совершенно разошлись въ своихъ мнѣніяхъ. Въ то

время, когда потерпѣвшая дѣвочка со слезами рассказывала про гнусность, надъ нею продѣланную, а ея мать съ полненіемъ описывала непосредственные признаки преступленія, видѣнныя ею по горячимъ слѣдамъ, подсудимый, сидѣвшій противъ меня у противоположной стѣны судебного зала, не только улыбался, но молчаливо смѣялся во весь ротъ... То же самое дѣлалъ онъ и во время убійственного для него показанія эксперта проф. Питры. Возражая защитнику, который ссылался на свидѣтельства сосѣдей подсудимаго, говорившихъ, что онъ человѣкъ скромный, добраго поведенія и богобоязненный, я сказалъ присяжнымъ, что эти его свойства едва-ли подтверждаются его поведеніемъ на судѣ, гдѣ скорбь матери и слезы дочери не возбуждаютъ въ немъ ничего, кромѣ смѣха. Защитникъ не возражалъ, и присяжные ушли совѣщаться, „Я васъ не узнаю,—сказалъ мнѣ почтенный членъ суда, старикъ М. И. Зарудный—что это вы такъ на него напали, вѣдь онъ вовсе не смѣется, а плачетъ все время. У него отъ природы или отъ какого-нибудь несчастнаго случая ротъ до ушей—и судорога лица, сопровождающая слезы, вызываетъ гримасу, похожую на смѣхъ. Я сидѣлъ къ нему гораздо ближе, чѣмъ вы, и мнѣ это было ясно видно“. Подойдя вплотную къ мѣсту подсудимаго, я убѣдился въ справедливости словъ Заруднаго и съ ужасомъ представлялъ себѣ, что присяжные могли раздѣлить мое заблужденіе и что слова мои легли тяжелымъ камнемъ на чашу обвиненія. Пословица говоритъ: „кто въ морѣ не бывалъ—тотъ Богу не маливался“. Она примѣнима однако и къ другимъ случаямъ жизни—и я испыталъ это въ данномъ случаѣ на себѣ. Вернуть присяжныхъ было невозможно по отсутствію законнаго повода—и тѣ полчаса, которые они совѣщались, показались мнѣ цѣлой вѣчностью. Я рѣшилъ въ душѣ выдти въ отставку, если приговоръ будетъ обвинительный... Мое взволнованное и вмѣстѣ удрученное состояніе разрѣшилось невольными слезами благодарности Богу, когда я услышалъ слова: „нѣтъ! невиновенъ“.

Наконедь, въ рѣчи обвинителя не должно находить себѣ мѣста личное самолюбіе, ищущее себѣ удовлетвореніе въ томъ, что судъ или присяжные засѣдатели заявляютъ въ своемъ приговорѣ о согласіи съ его доводами. Представитель обвиненія по существу своихъ обязанностей не можетъ быть лично заинтересованъ въ исходѣ дѣла. Возможны случаи, когда этимъ обязанностямъ не противорѣчатъ и содѣйствіе подсудимому въ представленіи на судѣ данныхъ для оправданія, если только таковыя дѣйствительно существуютъ. Первымъ дѣломъ, назначеннымъ къ слушанію въ Казанскомъ окружномъ судѣ въ 1870 г. вскорѣ послѣ его открытія, было дѣло Каляшнина и Бѣловой, обвиняемыхъ въ отравленіи и задуше-

нѣн мужа послѣдней. Въ воспоминаніяхъ объ *экспертизѣ* мною уже указаны тѣ разнорѣчія между свѣдущими людьми, которыя возникли въ судебномъ засѣданіи. Присяжные засѣдатели сразу встрѣтились съ обвиненіемъ, основаннымъ на косвенныхъ уликахъ. Я считалъ себя обязаннымъ, сказать представителямъ общественной совѣсти слѣдующее: „для того, чтобы обсужденіе преступленія было возможно для васъ, господа засѣдатели, надо изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла до мельчайшихъ подробностей, сопоставить и сгруппировать ихъ, пояснить одно другимъ и изъ всего этого сдѣлать выводъ о виновности извѣстнаго лица. Чтобы выяснитъ предъ вами всѣ темныя стороны дѣла, существуетъ особое учрежденіе—прокурорскій надзоръ, имѣющій на судѣ особую власть—обвинительную. Не обвиняя во что бы то ни стало, не стремясь непременно добиться отъ васъ тяжелаго приговора, обвинитель шагъ за шагомъ идетъ по пути, пройденному преступленіемъ, повѣряетъ вамъ свои наблюденія и выводы и, придя къ убѣжденію въ виновности подсудимаго, обязывается высказать вамъ это убѣжденіе. Если защита найдетъ свѣтлыя стороны въ дѣлѣ и обнаружитъ обстоятельства, которыя инымъ, болѣе отраднымъ лучемъ озарятъ дѣйствіе подсудимаго и заставятъ васъ не повѣрить его виновности или сильно усумниться въ ней—то вы *должны его оправдать*, а у представителя обвинительной власти останется сознаніе, что онъ сдѣлалъ все, что слѣдовало для выполненія своей трудной и подчасъ очень тяжелой обязанности. Но если факты—молчаливые, но многозначительные факты,—не будутъ опровергнуты; если вы не почувствуете въ сердцѣ своемъ невинности подсудимыхъ и если въ вашемъ умѣ не возникнетъ основательныхъ сомнѣній въ ихъ виновности, то вы, спокойно исполняя свою задачу быть судьями и защитниками общества отъ двухъ одинаковыхъ опасностей—безнакаланности очевиднаго преступленія и осужденія невиннаго—согласитесь съ обвинителемъ и произнесете обвинительный приговоръ”.

Такого взгляда я держался въ теченіе всей моей восьмилѣтней прокурорской дѣятельности, глубоко сознавая, что для истинной справедливости нѣтъ ничего опаснѣе какъ вывѣтриваніе въ основныхъ приѣмовъ отправленія правосудія возвышающей ихъ человѣчности. Тамъ, гдѣ справедливость и правосудіе не сливаются въ единое понятіе, гдѣ возможно повторить слова Бомарше, влагаемая въ уста Фигаро и обращенная къ судебному дѣтелю: „я рассчитываю на вашу справедливость, хотя вы и служитель правосудія“—тамъ общественный бытъ поколебленъ въ своихъ нравственныхъ основаніяхъ. Я имѣлъ радость сознавать, что мои многочисленные товарищи, за небольшими исключеніями, раздѣляли и

осуществляли мой возрѣнія. Думаю, что правосудіе отъ этого ничего не проиграло, а спокойное достоинство обвинительной власти несомнѣнно выигрывало и въ глазахъ суда, и въ общественномъ мнѣніи. Обязанность прокурора, находящаго оправданія подсудимаго уважительными, не поддерживать обвинительный актъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ, заявивъ о томъ суду по совѣсти,—являетъ собою одно изъ лучшихъ выраженій того духа живого безпристрастія, который желали упрочить въ судебной дѣятельности составители Судебныхъ Уставовъ. Они не ограничились представленіемъ прокурору *права* отказа отъ обвиненія, но вмѣнили ему это въ *обязанность*, предусмотрѣвъ при этомъ и оба вида судебного состязанія—судебное слѣдствіе и пренія. Обвинительный актъ, опирающійся на различныя доказательства, между которыми главное мѣсто занимаютъ свидѣтельскія показанія, можетъ оказаться лишенымъ всякой силы—когда эти доказательства при разработкѣ ихъ судомъ на перекрестномъ допросѣ,—при обзорѣ ихъ или экспертизѣ предстанутъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ глазахъ обвинителя, составлявшаго актъ. Данныя обвинительнаго акта могутъ остаться в не тронутыми, но то, что будетъ приведено защитой подсудимаго или имъ самимъ въ свое оправданіе, можетъ до такой степени правдиво измѣнить житейскій обликъ подлежащаго суду поступка, установивъ на него иную точку зрѣнія, что поддержаніе обвиненія во что бы то ни стало являлось бы дѣйствіемъ не только безцѣльнымъ, но и нравственно недостойнымъ. Достаточно указать хотя бы на случай, гдѣ первоначальное обвиненіе въ убійствѣ вырождается въ наличность необходимой обороны или такой неосторожности, которую по справедливости, въ виду условій и обстановки происшествія, невозможно вмѣнить въ вину и т. п. Чуждые установленію какихъ-либо формальныхъ рамокъ, составители Судебныхъ Уставовъ мѣриломъ необходимости отказа отъ обвиненія, въ возвышенномъ довѣріи къ духовному складу судебныхъ дѣятелей, поставили единое внутреннее убѣжденіе прокурора, предоставивъ ему находить побужденія къ отказу въ голосѣ его совѣсти. Конечно, такой отказъ не долженъ быть поспѣшнымъ и непродуманнымъ или, точнѣе говоря, непрочувствованнымъ;—точно такъ же онъ не можетъ быть голословнымъ и нуждается въ мотивировкѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ судебной практикѣ отказы отъ обвиненія не часты, а въ первые года существованія новыхъ судовъ эти отказы сопровождались иногда оригинальными послѣдствіями. Такъ въ 1866 году, когда въ стѣнахъ Московскаго окружнаго суда по дѣлу объ убійствѣ впервые было заявлено товарищемъ прокурора объ отказѣ отъ обвиненія, окружный судъ безъ дальнихъ околич-

ностей объявлялъ подсудимыхъ свободными отъ суда, предоставивъ такимъ образомъ прокурору, а не присяжнымъ засѣдателямъ, рѣшить судьбу подсудимаго. Между тѣмъ присяжные засѣдатели иногда относились къ подобнымъ отказамъ вполне самостоятельно. Мнѣ пришлось это испытать на себѣ въ Харьковѣ. Въ лѣтнюю сессию присяжныхъ засѣдателей разсматривалось дѣло о крестьянинѣ Кухарчукѣ, обвиняемомъ въ кражѣ съ повозки въ пути. День былъ душный, дѣло — четвертое по порядку — было начато слушаніемъ въ семь часовъ вечера. Присяжные были уже очевидно утомлены, а на перекрестномъ допросѣ доказательства обвиненія разваливались одно за другимъ. Я рѣшилъ отказаться отъ обвиненія и заявилъ объ этомъ суду, въ сжатомъ изложеніи сопоставивъ данныя обвинительнаго акта съ ихъ существеннымъ измѣненіемъ на судѣ. Къ несчастью для подсудимаго, защитникомъ былъ кандидатъ на судебныя должности, весьма добросовѣстный и знающій человекъ, но обладавшій тѣмъ, что называется, суконымъ языкомъ. Это была его первая защитительная рѣчь, очевидно, написанная заранее и неоднократно просмотрѣнная. Вѣроятно, уже за нѣсколько дней до засѣданія онъ училъ ее наизусть и даже, быть можетъ, уподобляясь Мольеру, читалъ ее своей кухаркѣ или кому-нибудь изъ близкихъ, заранее волнуясь въ ожиданіи своего *païden spreesh*. Мой отказъ отъ обвиненія разбивалъ его тревожныя надежды и, жалѣя потраченный трудъ, онъ рѣшилъ не ограничиться присоединеніемъ къ моему заявленію. И вотъ въ теченіе почти полутора часовъ медлительно и нудно потекла его рѣчь. Онъ не замѣчалъ невольныхъ знаковъ нетерпѣнія со стороны суда и нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ и такъ вошелъ въ свою роль, что совершенно забылъ о моемъ заявленіи. „Напрасно обвинитель сядется утверждать, что подсудимый виновенъ“... процитировалъ онъ съ унылымъ пафосомъ заранее написанное мѣсто своей рѣчи, обращаясь въ мою сторону послѣ того, какъ я отказался отъ обвиненія. Я едва удержался, чтобы не разсмѣяться, невольно вспомнивъ только-что появившійся рассказъ Щедрина, въ которомъ одинъ изъ обывателей, пришедшихъ къ новому градоначальнику на поклонъ, повѣствуетъ, какъ послѣдній, выйдя къ нимъ, крикнулъ: „пикните вы только у меня!“—и прибавляетъ: „а мы, сударь, и не пикали“. Послѣ краткаго напутствія предсѣдателя, присяжные ушли совѣщаться, а черезъ четверть часа вынесли вердиктъ, гласившій: „да, виновенъ“. По особой милости судьбы въ дѣлѣ нашлась кассационныя поводы, и я принесъ протестъ, уваженный Сенатомъ. Первое время дѣятельности новыхъ судовъ высшая прокуратура относилась къ отказамъ отъ обвиненія неодобрительно. Мнѣ извѣ-

стно нѣсколько такихъ случаевъ, и лично и долженъ былъ, будучи товарищемъ въ Петербургѣ, давать по требованію прокурора палаты объясненіе основаній, по которымъ я отказался поддерживать обвиненіе, изложенное въ опредѣленіи Судебной палаты. Бывали, впрочемъ, и обратные случаи, и мнѣ пришлось однажды по одному харьковскому дѣлу, волновавшему на мѣстѣ сословныя страсти, могшія имѣть отголосокъ и въ Петербургѣ, рѣшительнымъ образомъ отклонить вліятельное служебное предложеніе принять на себя обвиненіе съ тѣмъ, чтобы на судѣ отъ него отказаться.

Обращаясь мысленно отъ приѣмовъ обвиненія по существу, которыхъ я держался, стараясь быть послѣдовательнымъ въ своемъ взглядѣ на прокурора, какъ на говорящаго судью—къ созданію и къ выработкѣ внѣшней ихъ оболочки—я не могу не припомнить бесѣды съ воспитанниками выпускного класса учящаща Правовѣдѣнія послѣ одной изъ моихъ лекцій по уголовному процессу въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Они спрашивали меня, что имъ—готовящимся къ судебной дѣятельности—нужно дѣлать, чтобы стать краснорѣчивыми. Я отвѣчалъ имъ, что если подъ краснорѣчіемъ разумѣть даръ слова, волнующій и увлекающій слушателя красотой формы, яркостью образовъ и силою мѣткихъ выраженій, то для этого нужно имѣть особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатомъ воспитательныхъ вліяній среды, прямѣровъ, чтенія и собственныхъ переживаній. Даръ краснорѣчія, по мнѣнію Бисмарка,—который хотя я не былъ краснорѣчивъ самъ, но умѣлъ цѣнить и испытывать на себѣ краснорѣчіе другихъ,—имѣетъ въ себѣ увлекающую силу, подобно музыкѣ и импровизаціи. „Въ каждомъ ораторѣ,—говорилъ онъ,—который дѣйствуетъ краснорѣчіемъ на своихъ слушателей, заключается поэтъ и только тогда, когда онъ награжденъ этимъ даромъ и когда, подобно импровизатору, онъ властно повелѣваетъ своему языку и своимъ мыслямъ, онъ овладѣваетъ тѣми, кто его слушаетъ“. Поэтому невозможно преподавать никакихъ совѣтовъ, исполненіе которыхъ можетъ сдѣлать человека краснорѣчивымъ. Иное дѣло умѣть говорить публично, т. е. быть ораторомъ. Это умѣнье достигается выполненіемъ ряда требованій, лишь при наличности которыхъ можно его достигнуть. Этыхъ требованій или условій, по моимъ наблюденіямъ и личному опыту, три: нужно знать предметъ, о которомъ говоришь, въ точности и подробности, выяснивъ себѣ вполне его положительныя и отрицательныя свойства;—нужно знать свой родной языкъ и умѣть пользоваться его гибкостью, богатствомъ и своеобразными оборотами, при чемъ, конечно, къ этому знанію относятся и знакомство съ сокровищами родной литературы. Наконецъ нужно *не лгать*. Человѣкъ лжетъ въ жизни вообще часто, а въ па-

шей русской жизни и очень часто, троякимъ образомъ: онъ говоритъ не то, что думаетъ—это ложь по отношенію къ другимъ; онъ думаетъ не то, что чувствуетъ—это ложь самому себѣ и, наконецъ, онъ впадаетъ въ ложь, такъ сказать, въ квадратъ: говорить не то, что думаетъ, а думаетъ не то, что чувствуетъ. Присутствіе каждаго изъ этихъ видовъ лжи почти всегда чувствуется слушателями и отнимаетъ у публичной рѣчи ея силу и убѣдительность. Поэтому искренность по отношенію къ чувству и къ дѣлаемому выводу или утверждаемому положенію должна составлять необходимую принадлежность хорошей, т. е. — претендующей на вліяніе рѣчи. Изустное слово всегда плодотворнѣе письменнаго; оно живитъ слушающаго и говорящаго. Но этой животворной силы оно лишается, когда ораторъ самъ не вѣритъ тому, что говоритъ, — и утверждая — втайнѣ сомнѣвается, — или старается призвать себѣ на помощь вмѣсто вѣрой мысли громкія слова, лишеныя въ данномъ случаѣ, внутренняго содержанія. Слушатель почти всегда въ этихъ случаяхъ невольно чувствуетъ то, что говоритъ Фаустъ: *wo Begriffe fehlen, da stellt ein Wort zur rechten zeit sich ein*. Вотъ почему лучше ничего не сказать, чѣмъ сказать ничего. „Поэтому, господа,—заклучилъ я нашу бесѣду,—не гонитесь за краснорѣчіемъ. Тотъ, кому данъ даръ слова, оцѣтитъ его, быть можетъ, внезапно, неожиданно для себя и безъ всякихъ приготовленій. Его нельзя пріобрѣсти, какъ нельзя испытать вдохновеніе, когда душа на него неспособна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа—его языкъ. Пусть не мысль ваша ищетъ слова и въ этихъ поискахъ теряетъ время и утомляетъ слушателей,—пусть, напротивъ, слова покорно и услужливо предстанутъ предъ вашею мыслью въ полномъ ея распоряженіи. Выступайте во всеоружіи знанія того, что относится къ вашей спеціальности и на служеніе чему вы призваны, а затѣмъ—не лгите, т. е. будьте искренны, и вы будете хорошо говорить, или, какъ гласитъ французская судебная поговорка: *vous aurez l'oreille du tribunal*“.—Теперь, послѣ долгаго житейскаго опыта, я прибавилъ бы къ этимъ словамъ еще и указаніе на то, что ораторскіе пріемы совсѣмъ не одинаковы для всѣхъ вообще публичныхъ рѣчей, и что, напримѣръ, судебному оратору и оратору политическому приходится дѣйствовать совершенно различно: первый долженъ *доказывать* и стараться *убѣдить*,—второму нужно уметь, употребляя прекрасное выраженіе *Georges Sand „montrer et énoncer“*, т. е. дѣйствовать преимущественно силою указываемыхъ примѣровъ и вызываемыхъ рѣчью образовъ.

На первомъ планѣ, я, конечно, считалъ нужнымъ ставить изу-

ченіе дѣла во всѣхъ его частяхъ, вдумывался въ видоизмѣненіе показаній однихъ и тѣхъ же лицъ при дознаніи и слѣдствіи и знакомясь особенно тщательно съ вещественными доказательствами. Последняя скучная и кропотливая работа, казавшаяся порою безплодною, приносила однако во многихъ случаяхъ чрезвычайно полезныя результаты, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла. Вещественныя доказательства не только представляютъ собою орудія и средства, слѣды и плоды преступленія, но вдумчивое сопоставленіе ихъ между собою даетъ иногда возможность прослѣдить постепенную подготовку преступленія и даже самое зарожденіе мысли о немъ. Въ дѣлахъ правосудія это весьма важно, ибо не только даетъ опору обвиненію, но и создаетъ законную возможность отказа отъ него. Въ дѣлѣ Янсенъ и Акаръ, обвинившихся во ввозѣ въ Россію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, мнѣ удалось выработать крайне вѣскую улику, сопоставляя между собою номера кредитныхъ билетовъ, расположенныхъ въ двухъ партіяхъ, направленныхъ въ отдаленные одинъ отъ другого города; въ дѣлѣ о диффамачіи въ печати Семирѣченскаго губернатора Аристова, по коему состоялся обвинительный приговоръ въ Судебной Палатѣ, — разборомъ официальной переписки о маленькомъ народцѣ „таранчахъ“, приобщенной, между прочимъ, къ дѣлу, удалось установить, что Г. Семирѣченскій губернаторъ вполне заслужилъ то, что онъ называлъ диффамачіей, — и имѣть удовольствіе отказаться отъ обвиненія. Я уже не говорю о томъ, до какой степени разборъ приобщаемыхъ къ дѣламъ переписокъ, замѣтокъ, дневниковъ и другихъ рукописей обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ даетъ возможность ознакомить судъ съ ихъ личностью иногда ихъ же собственными словами. Могу сослаться въ этомъ отношеніи на характеристики скопца Соолодовникова и ростовщика Сѣдкова въ моей книгѣ „Судебныя рѣчи“. Какъ Предсѣдатель суда, я бывалъ не разъ свидѣтелемъ прискорбныхъ сюрпризовъ, которые создавались для сторонъ во время судебного засѣданія вслѣдствіе незнакомства ихъ съ тѣмъ, что содержится въ непросмотрѣнныхъ ими пакетахъ и сверткахъ, лежащихъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Отсутствіе тщательнаго изученія дѣла не только грозитъ такими сюрпризами, но побуждаетъ обвинителя прибѣгать иногда къ приемамъ, о нравственномъ значеніи которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Я помню одного извѣстнаго адвоката, талантливаго и знающаго, — въ частной жизни, какъ говорятъ, добраго и готоваго на дружескія услуги — но неразборчиваго ни въ свойствѣ дѣлъ, ни въ свойствѣ приемовъ, вносимыхъ имъ въ судебное состязаніе. По громкому, волновавшему обществу, дѣлу о подлогѣ огромной важ-

ности онъ принялъ на себя обязанности гражданскаго истца и, придя ко мнѣ вечеромъ наканунѣ засѣданія, просилъ дать ему прочесть дѣло, находившееся у меня, какъ у будущаго обвинителя. „Какой томъ?“ спросилъ я его. А равнѣ ихъ много?—въ свою очередь спросилъ онъ. — Четырнадцать, — да семь томовъ приложений и восемь связокъ вещественныхъ доказательствъ. — Ахъ, чортъ ихъ возьми!.. гдѣ же мнѣ все это разбирать... Но я изучилъ обвинительный актъ: мастерски написанъ!—Такъ какъ мы имѣемъ во многомъ общую задачу въ дѣлѣ, то скажите, какъ вы смотрите на эпизодъ съ N. N.?—А въ чемъ онъ состоитъ?—Да вѣдь ему исключительно посвящена цѣлая глава обвинительнаго акта, который вы изучили. — По правдѣ говоря, я его только перелисталъ, но у меня будутъ *свои доказательства*“. Въ судебномъ засѣданіи, длившемся цѣлую недѣлю, онъ молчалъ все время судебного слѣдствія и лишь при заключеніи его потребовалъ, чтобы было прочтено письмо одного изъ умершихъ свидѣтелей, находящееся въ *такомъ-то томѣ, на такой-то страницѣ*, въ которомъ пишущій почти что сознается въ содѣйствіи къ отправленію на тотъ свѣтъ другихъ свидѣтелей, опасныхъ для богатаго и вліятельнаго подсудимаго. Это явленіе произвело большое впечатлѣніе на присяжныхъ и на публику, такъ какъ среди послѣдней былъ пущенъ ни на чемъ не основанный слухъ, что неудобные для подсудимыхъ свидѣтели „устранены изъ дѣла навсегда“, а присяжные находились подъ впечатлѣніемъ происшедшей у нихъ на глазахъ смерти одного очень волновавшагося свидѣтеля, — послѣдовавшей отъ разрыва сердца. Въ мѣстѣ, указанномъ повѣреннымъ гражданскаго истца, оказалась чистая страница. Онъ указалъ другой томъ производства, котораго, какъ мнѣ было извѣстно, даже не видѣлъ — и тамъ оказалась какая-то незначительная бумага, — а на гнѣвный вопросъ предсѣдателя, послѣ того какъ я и защитники заявили, что такого письма ни въ дѣлѣ, ни въ вещественныхъ доказательствахъ нѣтъ, объяснилъ, что томъ и страница были у него записаны на бумажкѣ, но ее у него „кто-то стащилъ“, при чемъ слова повторилъ содержаніе вымышленнаго письма. Таковы были его „свои доказательства“!

Изученіе и знаніе дѣла во всѣхъ его подробностяхъ было, по крайней мѣрѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, необходимо и для проведенія въ жизнь возможно широкимъ образомъ и въ неприкосновенности основныхъ началъ дѣятельности реформированнаго суда — устности, гласности и непосредственности. Я помню засѣданіе по одному очень сложному и серьезному дѣлу, длившееся шесть дней въ 1872 году. Въ дѣлѣ была масса протоколовъ осмотровъ и обысковъ, показаній неявив-

шихъ свидѣтелей и множество документовъ, весьма нужныхъ для судебнаго состязанія. По закону, каждая изъ сторонъ могла требовать ихъ прочтенія, томительнаго и подчасъ трудно уловимаго. Мы съ К. К. Арсеньевымъ, стоявшимъ во главѣ защиты по дѣлу, молчаливымъ соглашеніемъ рѣшили почти ничего не читать на судѣ и провести весь процессъ на строгомъ началѣ устности. Поэтому, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, каждый изъ насъ, съ согласія противника, просилъ разрѣшенія сослаться на письменный матеріалъ, говоря присяжнымъ: „г-да, въ такомъ-то документѣ, протоколѣ или показаніи — есть такое-то мѣсто, выраженіе, отмѣтка, цифра; прошу удержать ихъ въ памяти; если я ошибся, мой противникъ меня поправитъ“. Такимъ образомъ мы провели все засѣданіе, не *прочитавъ* присяжнымъ ничего, но рассказали очень многое. Конечно, это требовало, кромѣ знанія подробностей дѣла, большого напряженія памяти и взаимнаго уваженія сторонъ. Но первая въ то время у К. К. Арсеньева и у меня была очень сильна, а взаимное уваженіе само собою вытекало изъ одинаковаго пониманія нами задачъ правосудія.

Ознакомясь съ дѣломъ, я приступалъ прежде всего къ мысленной постройкѣ *защиты*, выдвигая передъ собою рѣзко и опредѣлительно всѣ возникающія и могущія возникнуть по дѣлу сомнѣнія, и рѣшалъ поддерживать обвиненіе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти сомнѣнія бывали путемъ напряженнаго раздумья разрушены, и на развалинахъ ихъ возникало твердое убѣжденіе въ виновности. Когда эта работа бывала окончена, я посвящалъ вечеръ наканунѣ засѣданія исключительно мысли о предстоящемъ дѣлѣ, стараясь представить себѣ, какъ именно было *совершено* преступленіе и въ какой *обстановкѣ*. Послѣ того, какъ я пришелъ къ убѣжденію въ виновности путемъ логическихъ, житейскихъ и психологическихъ соображеній, я начиналъ мыслить образами. Они иногда возникали предомномъ съ такою силой, что я какъ бы присутствовалъ невидимымъ свидѣтелемъ при самомъ совершеніи преступленія, и это безъ моего желанія, невольно, какъ мнѣ кажется, отражалось на убѣдительности моей рѣчи, обращенной къ присяжнымъ. Мнѣ особенно вспоминается въ этомъ отношеніи дѣло банщика Емельянова, утопившаго въ рѣчкѣ Ждановкѣ, для того, чтобы сойтись съ своей прежней любовницей, свою тихую, молчаливую и наскучившую жену. Приди къ твердому убѣжденію въ его виновности (изъ чѣмъ онъ и самъ послѣ суда сознался), несмотря на то, что полиція нашла, что здѣсь было самоубійство, я въ ночь передъ засѣданіемъ, обдумывая свои доводы и ходя, по тогдашней своей привычкѣ, по тремъ комнатамъ моей квартиры, изъ которыхъ лишь двѣ крайнія были

освѣщены, съ такою ясностью видѣлъ, входя въ среднюю темную комнату, лежащую въ водѣ ничкомъ съ распущенными волосами несчастную Лукерью Емельянову, что мнѣ, наконецъ, стало жутко.

Рѣчей своихъ я никогда не писалъ. Раза два пробовалъ я набросать вступленіе, но убѣдился, что судебное слѣдствіе даетъ такія житейскія краски и такъ перемѣщаетъ иногда центръ тяжести изложенія, что даже нѣсколько словъ вступленія, заготовленнаго заранее, оказываются вовсе не той *увертюрой*, выражаясь музыкальнымъ языкомъ, съ которой должна бы начинаться рѣчь. Поэтому, въ отношеніи къ началу и заключенію рѣчи, я держался поговорки „какъ Богъ на душу положитъ“. Самую сущность рѣчи я никогда не писалъ и даже не нагадалъ въ видѣ конспекта, отмѣчая лишь для памяти отдѣльныя мысли и соображенія, приходившія мнѣ въ голову во время судебного слѣдствія, и набрасывая схему рѣчи, предъ самымъ ея произнесеніемъ, отдѣльными словами или условными знаками, значенія которыхъ, долженъ сознаться, черезъ два-три мѣсяца уже самъ не помнилъ и не понималъ. Я всегда чувствовалъ, что заранее написанная рѣчь должна стѣснить оратора, связывать свободу распоряженія матеріаломъ и смущать мыслью, что что-то имъ забыто или пропущено. Поэтому проф. Тимофеевъ въ своихъ статьяхъ объ ораторскомъ искусствѣ ошибается, говоря, что Спасовичъ и я всегда писали свои рѣчи. Это вѣрно лишь относительно Спасовича, который дѣйствительно готовилъ свои рѣчи на письмѣ, чѣмъ довольно коварно пользовались нѣкоторые его противники, ограничиваясь краткимъ изложеніемъ основаній обвиненія и выдвигая свою тяжелую артиллерию уже послѣ того, какъ Спасовичъ сказалъ свою рѣчь, при чемъ его возраженія, — конечно относительно, — бывали слабы. Писалъ свои рѣчи и Н. В. Муравьевъ — крупнымъ, раздѣльнымъ почеркомъ, очень искусно и почти незамѣтно читая наиболѣе выдающіяся мѣста изъ нихъ. Обвиняя подъ моимъ предсѣдательствомъ братьевъ Висленевыхъ и Кутузова, онъ, послѣ рѣчей защиты, просилъ перерыва на два часа и заперся въ моемъ служебномъ кабинетѣ, чтобы писать свое возраженіе. Не надо забывать, что не только тамъ, гдѣ личность подсудимаго и свидѣтелей изучается по предварительному слѣдствію, но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинитель наблюдалъ за слѣдствіемъ и присутствовалъ при допросахъ у слѣдователя, судебное засѣданіе можетъ готовить для него большія неожиданности. Объясненія подсудимыхъ и показанія свидѣтелей на судѣ, лицомъ къ лицу другъ съ другомъ и по принятіи послѣдними присяги, иногда совершенно замѣняетъ сложившееся о нихъ у обвинителя представленіе. Пріема не-писанія рѣчей заранее держался и извѣстный

Московскій прокуроръ Громницкій, говорящій въ своихъ воспоминаніяхъ о писанныхъ рѣчахъ, что онѣ „гладки и стройны, но блѣдны, безжизненны и не производятъ должнаго впечатлѣнія; это блескъ, но не свѣтъ и тепло; это красивый букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, но съ запахомъ бумаги и клея“. Мой опытъ подтверждаетъ этотъ взглядъ. Изъ отзывовъ компетентныхъ цѣнителей и изъ отношенія ко мнѣ присяжныхъ засѣдателей,—отношенія не выражаемого внѣшнимъ образомъ, но чувствуемаго,—я убѣдился, что мои возраженія, иногда нѣсколькимъ защитникамъ сразу, сказанныя безъ всякой предварительной подготовки и обыкновенно, по просьбѣ моей, немедленно по окончаніи рѣчей моихъ противниковъ—производили наибольшее впечатлѣніе.

Еще до вступленія въ ряды прокуратуры я интересовался судебными преніями и читалъ рѣчи выдающихся западныхъ судебныхъ ораторовъ, преимущественно французскихъ, но долженъ сознаться, что мало вынесъ изъ нихъ поучительнаго. Ихъ приемы не подходятъ къ природѣ русскаго человѣка, которой чужда приподнятая фразеологія и полемическій задоръ. Замѣчаніе митрополита Филарета о томъ, что „народъ нашъ не настроенъ къ напряженному и продолжительному вниманію и что краткое, близкое къ разумію и сердцу, слово онъ беретъ и, не роная, уноситъ“ вполне справедливо по отношенію къ большинству присяжныхъ засѣдателей. Этимъ объясняется частый неуспѣхъ тѣхъ, иногда весьма способныхъ, ораторовъ, которые говорятъ по нѣсколькимъ часамъ, подвергая присяжныхъ засѣдателей своеобразному измору, при чемъ изморъ этотъ приводитъ зачастую къ неожиданнымъ результатамъ или къ знакамъ нетерпѣнія, смущающимъ говорящаго. Рѣчь обвинителя должна быть сжата и направлена на то, чтобы приковывать вниманіе слушателей, но не утомлять ихъ. Судебный ораторъ долженъ избѣгать того, что еще Аристофанъ въ своихъ „Облакахъ“ называлъ „словеснымъ поносомъ“, замѣчая, что „у человѣка, съ короткимъ умомъ, языкъ обыкновенно бываетъ слишкомъ долгій“. Мнѣ вспоминается адвокатъ при одномъ изъ большихъ провинціальныхъ судовъ на Волгѣ, который любилъ начинать свои рѣчи ab ovo. По дѣлу о третьей кражѣ, предъ усталыми отъ предшествовавшихъ дѣлъ присяжными, онъ, пользуясь апатичнымъ невмѣшательствомъ предсѣдателя, посвятилъ первый часъ своей рѣчи на исторію возникновенія права собственности и на развитіе этого понятія съ древнѣйшихъ временъ, въ связи съ развитіемъ культуры. „Теперь перехожу къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла“—заклучилъ онъ свой обзоръ и дрожащею отъ усталости рукою сталъ наливать себѣ въ стаканъ воды. Присяжные засѣдатели состояли, какъ парочно, изъ купцовъ и мел-

китъ торговцевъ. Начинало смеркаться, наступало время закрывать лавки и подсчитывать выручку — и вѣроятно у многихъ изъ нихъ мысль невольно обращалась къ тому, что дѣлаетъ теперь „хозяйка“, и какъ управился оставленный вмѣсто себя „молодецъ“. Когда наступила минута общаго молчанія передъ переходомъ оратора отъ Египта, Рима и среднихъ вѣковъ къ „обстоятельствамъ дѣла“, — старшина присяжныхъ съ сѣдою бородой и леопонисной паружностью подыалъ давно уже опущенную голову, обвелъ страдальческимъ взглядомъ судъ и оратора и, тяжело вздохнувъ, довольно громко, съ явнымъ уныніемъ въ голосѣ произнесъ: „эхе-хе-хе-эхе!“ — и снова опустилъ голову. „Я кончилъ“! упавшимъ голосомъ сказалъ авторъ историческаго изслѣдованія. Увы! непониманіе опасности такого измора существуетъ, какъ видно, и до настоящаго времени, и еще недавно въ одномъ изъ судовъ Украйны товарищъ прокурора, какъ удостовѣрено протоколомъ судебного засѣданія, сказалъ: „Я чувствую, что судъ недоволенъ моею рѣчью и дѣлаетъ разнаго рода жестыкуляціи; я прошу отдыха и воды — я усталъ“. Можно себѣ представить, какъ должны были устать и судьи и сколько воды, сверхъ выпитой товарищемъ прокурора, оказалось въ его рѣчи.

По поводу „жестыкуляцій“, такъ унизившихъ бѣднаго словоохотливаго обвинителя, я долженъ замѣтить, что всегда считалъ волюнѣ неумѣстными всякіе жесты и говорилъ свои рѣчи опираясь обѣими руками на поставленную стоймя книгу Судебныхъ Уставовъ, купленную въ 1864 году, тотчасъ по выходѣ ея въ свѣтъ и прошедшую со мною весь мой сорокалѣтній судебный путь. Не думаю, чтобы рѣзкіе жесты и модуляціи голоса были по душѣ русскимъ присяжнымъ засѣдателямъ, которые, по моимъ наблюденіемъ, цѣнятъ спокойствіе и простоту въ „повадкѣ“ обвинителя. Я не могъ раздѣлить восхищенія нѣкоторыхъ почтительныхъ цѣнителей предъ краснорѣчивымъ судебнымъ риторомъ, который въ историческомъ процессѣ первѣйшей важности и значенія, характеризую одного изъ подсудимыхъ съ чисто русской фамиліей, возопилъ „нѣтъ! нѣтъ! онъ не русскій!“ и швырнувъ предъ собою трагическимъ жестомъ длинный карандашъ, въ дѣланномъ безсиліи опустился въ кресло. Такимъ приемамъ мѣсто на театральныхъ подмосткахъ. Обвинителю, какъ и проповѣднику, не слѣдуетъ забывать совѣта великаго Петра, въ Духовномъ Регламентѣ: „не надобно шататься вельми, будто несломъ гребетъ; не надобно руками сплескивать, въ боки упираться, смѣяться, да ненадобно и рыдать: вся бо сія лишняя, и неблагообразна суть, и слушателей возмущаетъ“.

Во время моего прокурорства не существовало сборниковъ су-

дебныхъ рѣчей, по которымъ можно было бы подготовиться къ техникѣ рѣчи. Приходилось полагаться на собственные силы. Уже впоследствии, черезъ много лѣтъ по оставленіи прокуратуры, я сталъ знакомиться съ русскимъ духовнымъ краснорѣчіемъ и нашелъ въ немъ блестящіе примѣры богатства языка и глубины мысли. Несомнѣнно, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ митрополиту московскому Филарету, хотя его проповѣди и не согрѣваютъ сердца, какъ нѣкоторыя чудесныя „Слова“ архіепископа Иннокентія, напр. „Слово въ Великій Пятокъ“, и не блещутъ широтою взгляда митрополита Макарія. Умъ, гораздо болѣе, чѣмъ сердце, слышится въ словахъ Филарета, которыя, подобно осеннему солнцу, свѣтятъ, но не грѣютъ. Но въ нихъ нѣтъ зато ни полемическаго задора Амвросія и Никанора, ни узкой „злопыхательной“ нетерпимости нѣкоторыхъ изъ современныхъ проповѣдниковъ. У Филарета поражаетъ чистота и строгость языка и отсутствіе причастій и дѣепричастій и частаго употребленія слова „который“, при чемъ у него въ высшей степени проявляется то, что французы называютъ „la sobriété de la parole“, и доведено до виртуозности устраненіе всего излишняго. Онъ самъ опредѣляетъ значеніе живого слова, говоря, что оно можетъ быть *изострено* какъ мечъ—и тогда оно будетъ ранить и убивать—и можетъ быть *измягчено* какъ влей—и тогда оно будетъ врачевать. Его проповѣди исполнены красивыхъ и сжатыхъ образовъ и богаты афоризмами. „Послушалъ бы молчанія Исакова“, говоритъ онъ, упоминая о своемъ несбыточномъ желаніи посѣтить обитель св. Сергія при жизни преподобнаго. „Да благословитъ Богъ,—воскликаетъ онъ,—и слово и молчаніе! Да не будетъ слово праздно и молчаніе безсловесно“. Или вотъ еще нѣсколько афоризмовъ: „Видѣть невидимые, но подлинныя грѣхи человѣку иногда мѣшаютъ видимыя, но мнимыя добродѣтели.—Язвы друга, наносимыя по братолюбію, достовѣрнѣе, чѣмъ вольныя лобзанія врага.—Изъ глубины въ день можно видѣть звѣзды—это справедливо—только глубина должна быть крута и чѣмъ глубже человѣкъ въ своемъ смиреніи, тѣмъ яснѣе видитъ онъ небо“. Читая Филарета, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ онъ въ сильной и вмѣстѣ сжатой формѣ умѣетъ употребить приемы уподобленія, повторенія и сравненія, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ началѣ „слова“ на Рождество:—„Слава Христу Богу жившемуся въ смиреніи естества нашего, да явитъ намъ образы смиренія. Онъ явился въ вертепѣ, чтобы мы довольны были кельей,—въ ясляхъ, чтобы мы не требовали мягкаго ложа,—въ пеленахъ, чтобы мы любили простую одежду,—въ *несловесіи* младенческомъ, да будемъ яко дѣти простотою и незлобіемъ и да не разрѣшаемъ языка нашего на празднословіе“. Образцы истиннаго краснорѣчія

находится и въ Четвѣхъ-Минєяхъ Макарія. Мученики говорятъ въ нихъ Діоклетіану, Игемонамъ и Префектамъ цѣлыя рѣчи, дышущія вдохновеніемъ и исполненныя красоты сильнаго и содержательнаго слова, чему, конечно, способствуетъ и церковно-славянскій языкъ. Достаточно въ этомъ отношеніи указать хотя бы на житіе св. Уара, заключающее въ себѣ настоящіе перлы краснорѣчія. Сжатость языка, скупость словъ и рядомъ съ этимъ богатство содержанія, въ нихъ влагаемаго, достойны внимательнаго изученія въ Четвѣхъ-Минєяхъ. Какъ много говорятъ, напримѣръ, такія выраженія, какъ „тѣсное и прискорбное житіе“, — „общій естества человѣческаго смертный долгъ“, — „положить человѣка въ сердцѣ своемъ“, — „воевать тайнымъ коварствомъ во образѣ правды“ и т. д.

О построеніи обвинительныхъ рѣчей мнѣ трудно сказать что-нибудь болѣе полное, содержательное и поучительное, чѣмъ то, что заключается въ замѣчательной книгѣ П. Сергѣевича: „Искусство рѣчи на судѣ“. Лично о себѣ могу сказать, что никогда не слѣдовалъ какому-либо общему и предвзятому приему. Черпая свои доводы изъ житейскаго опыта, психологическаго анализа побужденій и изъ сопоставленія между собою объективныхъ обстоятельствъ дѣла, я начиналъ рѣчи то съ краткаго описанія событія преступленія, то съ оцѣнки бытоваго значенія преступнаго дѣянія, о которомъ шло дѣло, то съ характеристики главнѣйшихъ личностей въ дѣлѣ, то, наконецъ, съ изложенія шагъ за шагомъ хода тѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, результатомъ которыхъ явилось преданіе суду. Желая убѣждать присяжныхъ въ томъ, въ чемъ я самъ былъ убѣжденъ, а не производить на нихъ впечатлѣнію, я старался избѣгать дѣйствовать на ихъ воображеніе и подчасъ видя со стороны присяжныхъ довѣріе и сочувствіе къ тому, что я говорю, я сознательно старалъ слишкомъ рѣзкіе контуры вызываемыхъ мною образовъ, за что подвергался иногда строгой критикѣ прямолинейныхъ обвинителей. Сознаніе нѣкотораго дара слова, который мнѣ данъ судьбою, заставляло меня строго относиться къ себѣ какъ къ судебному оратору и никогда не забывать предъ лицомъ человѣка, на судьбу котораго я могъ повліять, завѣта Гоголя: „со словомъ надо обращаться честно“.

Еще въ юности глубоко врѣзались въ мою память прекрасныя слова Лабуля: „Avec le pauvre, l'enfant, la femme et le coupable même—la justice doit se défier de ses forces et craindre d'avoir trop raison“. Вотъ почему черезъ тридцать шесть лѣтъ по оставленіи мною прокурорской дѣятельности, я спокойно вспоминаю свой трудъ какъ обвинителя и думаю, что едва-ли между моими подсудимыми были люди, уносящіе съ собою, будучи поражены судеб-

нымъ приговоромъ, чувство злобы, негодованія или озлобленія противъ меня лично. Въ рѣчахъ моихъ я не могъ, конечно, оправдывать вхъ преступнаго дѣла и раздѣлять взглядъ, по которому tout comprendre—c'est tout pardonner, или безразлично „зрѣть на правыхъ и виновныхъ“. Но я старался понять, какъ дошелъ подсудимый до своего злаго дѣла и въ анализъ совершеннаго имъ пути избѣгалъ вносить надменное самодовольство оффиціальной безупречности. Я не забывалъ русской поговорки: „чужими грѣхами святъ не будешь“ и мнѣ часто приходили на память глубокія слова Альфонса Карра: „Я не могу удержаться,—говоритъ онъ,—отъ упрека нѣкоторымъ судебнымъ ораторамъ въ томъ, что они иногда забираются на нравственную высоту, недоступную для большинства обыкновенныхъ смертныхъ. Мнѣ хочется чувствовать человека въ моемъ судѣ и обвинителѣ и звать, что если высокая добродѣтель и оградила его отъ пропасти, въ которую я упалъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ измѣрилъ взоромъ ея глубину и знаетъ по собственнымъ наблюденіямъ, какъ легко въ нее оступиться. Если бы мнѣ приходилось быть судимымъ ангелами, то я предпочелъ бы быть осужденнымъ заочно“.

Вотъ почему я не разъ считалъ себя въ правѣ просить присяжныхъ засѣдателей о признаніи подсудимыхъ заслуживающими, по обстоятельствамъ дѣла, снисхожденія. По дѣлу объ убійствѣ Филиппа Штрамъ, совершенномъ его племянникомъ, при чемъ мать убійцы Елизавета Штрамъ обвинялась въ укрывательствѣ, я сказалъ о ней въ концѣ своей рѣчи: „Невольная свидѣтельница злодѣянія своего сына, забитая нуждою и жизнью, она сдѣлалась укрывательницей его дѣйствій потому, что не могла найти въ себѣ силы изблгать его... Тренищущія и бессильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія своего сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природою, укрывало самого преступника. Поэтому вы, господа присяжные, поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія“. Гдѣ было возможно отыскать въ дѣлѣ проблески совѣсти въ подсудимомъ или указаніе на то, что онъ упалъ нравственно, но не погибъ безповоротно, я всегда подчеркивалъ это передъ присяжными въ такихъ выраженіяхъ, которыя говорили подсудимому, особливо, если онъ былъ еще молодъ, что предъ нимъ еще цѣлая жизнь и что есть время исправиться и честной жизнью загладить и заставить забыть свой поступокъ. Я никогда не сочувствовалъ, однако, той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ сидятъ отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно *средю*, по-

рядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью, увлеченіемъ. Я находилъ, что страсть многое объясняетъ, и ничего не оправдываетъ; что никакой политической строй не можетъ извинить погрѣшя въ себя и въ другихъ нравственнаго начала; что излишнее довѣріе, отсутствіе или слабость надзора не уменьшаютъ вины того, кто этимъ пользуется. Увлекаясь чувствительностью въ отношеніи къ виновному, нельзя становиться жестокимъ къ потерпѣвшему, къ пострадавшему, и къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединять еще и обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это ни кары, ни порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, который грозитъ спасительнымъ страхомъ слабому и колеблющемуся, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Но тамъ, гдѣ на-ряду со строгимъ словомъ осужденія умильно было слово милости и снисхожденія, я ему давалъ звучать въ своей рѣчи. Такое отношеніе къ подсудимымъ по одному дѣлу оставило во мнѣ своеобразныя воспоминанія. Помѣщикъ одной изъ сѣверныхъ губерній, брачная жизнь котораго сложилась неудачно, былъ дружески принятъ въ семьѣ другого мѣстнаго помѣщика, и изливалъ скорбь по поводу своихъ житейскихъ невзгодъ передъ сестрой этого помѣщика, молодой впечатлительной дѣвушкой, только что окончившей воспитаніе въ институтѣ. Она стала его жалѣть, и эта жалость, какъ часто бываешь у русской женщины, перешла въ любовь, которою и воспользовался сладкорѣчивый неудачникъ. Черезъ нѣкоторое время, замѣтивъ, что она нравится мѣстному энергичному земскому дѣятелю, овъ, пустивъ въ ходъ свое неотразимое на нее вліяніе, уговорилъ ее выйти замужъ, предложивъ себя, съ цинической самоувѣренностью, въ ея посаженные отцы. Бѣдная дѣвушка, внявшая его настойчивымъ совѣтамъ, вскорѣ убѣдилась, что нашла въ мужѣ довѣрчиваго, благороднаго и горячо любящаго человѣка, выдающаго въ ней утѣшеніе и поддержку въ своей тревожной, полной борьбы, общественной дѣятельности. Такъ прошло семь лѣтъ, и однажды, когда, вернувшись въ свою усадьбу изъ уѣзднаго города, мужъ сталъ рассказывать про происки и вражду своихъ противниковъ и высказалъ жель, какое огромное нравственное значеніе имѣеть для него непоколебимая вѣра въ ея любовь и чистоту, она почувствовала, что не можетъ и не должна скрывать отъ него истину о своемъ прошломъ и рассказала ему „все“. Это запоздалое признаніе ошеломило несчастнаго человѣка, разрушило и осквернило въ его глазахъ счастье его многихъ лѣтъ и возбудило въ немъ, на почвѣ оскорбленнаго самолюбія ревность, которая стала питать сама себя болѣзненными представленіями и приводившими его въ ярость подозрѣніями.

Заставляя жену почти ежедневно терзать его и терзаться самой подробнымъ разказомъ о своемъ „паденіи“, онъ, наконецъ, потребовалъ, чтобы она повторила въ лицо своему соблазнителю все то, что разказала мужу,—и затѣмъ сталъ его преслѣдовать настойчивыми требованіями „сойти со сцены“. Посаженный отецъ бѣжалъ за границу, но оскорбленный мужъ, въ сопровожденіи почти обнумѣвшей отъ страданій жены, бросился за нимъ въ погоню, искалъ его по всей Европѣ и, наконецъ, настигъ, вернувшись вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, гдѣ ворвался въ его квартиру и убилъ его ударами кинжала, приказавъ при этомъ женѣ стрѣлять въ него изъ револьвера. Оба были преданы суду—онъ за убійство, она за покушеніе. Обвиняя по этому дѣлу, обратившему на себя особое общественное вниманіе, и изображая на основаніи объективныхъ данныхъ послѣдовательное развитіе преступной рѣшимости у подсудимаго, я не могъ не указать присяжнымъ на глубину душевныхъ страданій, перенесенныхъ подсудимымъ, и не обратить ихъ вниманія на несчастную судьбу молодой женщины, не сумѣвшей заглушить въ себѣ вопля совѣсти, уставшей скрывать истину отъ любимаго и достойнаго уваженія человѣка. Присяжные дали ему снисхожденіе, а жену его, потерявшую голову въ поднятой ею бурѣ и ставшую слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего мужа, оправдали. Она пошла за мужемъ въ ссылку на поселеніе въ Сибирь. Я не терялъ ихъ изъ виду и, когда представился случай, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ управляющаго департаментомъ министерства юстиціи, помогъ облегченію его участи.

Этотъ процессъ былъ долгое время причиной непечатанія мною сборника моихъ судебныхъ рѣчей, такъ какъ безъ него послѣдній былъ бы неполонъ, а мнѣ не хотѣлось давать поводъ случайнымъ читателямъ моей книги растравлять своимъ любопытствомъ, намеками или безтактными вопросами начавшія заживать у подсудимыхъ раны прошлаго. Между тѣмъ изданіе такого сборника представлялось мнѣ необходимымъ, такъ какъ въ прокуратурѣ начинали водворяться нежелательные приемы, отъ которыхъ я хотѣлъ отвратить примѣрами моей дѣятельности какъ *говорящаго судьи*. Послѣ долгихъ колебаній я нашелъ исходъ въ томъ, что, печатая отчетъ объ этомъ процессѣ, ни разу не упомянулъ объ именахъ и фамиліи подсудимыхъ, замѣнивъ ихъ словами „обвиняемый“, „обвиняемая“, „подсудимый“, „подсудимая“. Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Судебныхъ рѣчей“, я получилъ письма отъ моихъ бывшихъ подсудимыхъ, въ которыхъ сквозило чувство признательности за употребленный мною приемъ умолчанія и съ тѣхъ поръ между мною и этими прекрасными въ существѣ своемъ людьми устано-

вилась переписка. Онъ сообщалъ мнѣ о своихъ взглядахъ на разные общественныя дѣла и событія, она съ трогательнымъ довѣріемъ писала мнѣ о своей счастливой семейной жизни и дѣтяхъ, горячо принимая къ сердцу мои личныя и общественныя скорби и радости. Нѣсколько лѣтъ назадъ, давно прощенный и принятый на службу, онъ умеръ, пользуясь уваженіемъ окружающихъ, а я и до сихъ поръ нѣсколько разъ въ годъ получаю съ далекаго Юга письма отъ нея, исполненныя благоговѣйныхъ воспоминаній о мужѣ и нѣжной тревоги о моемъ пошатнувшемся здоровьѣ... Невольно вспоминаются мнѣ по этому поводу упреки Герцева нашей привычкѣ налѣплять заранѣе сдѣланные ярлыки, изъ-за которыхъ не желаютъ видѣть настоящаго человѣка. Известенъ взглядъ, связанный въ нашемъ обществѣ со словомъ „жандармъ“... а между тѣмъ я зналъ въ моей провинціальной жизни жандармскаго генерала Ковалевскаго въ Харьковѣ—человѣка исключительной доброты и благородства—и полковника Ларионова въ Казани, гробъ котораго студенты несли на рукахъ до кладбища. „*Души* все виѣшнее подвластно“—говоритъ Лермонтовъ. Иногда, получая письма, о которыхъ я только что говорилъ, я переносюсь въ дни, послѣдовавшіе за судебнымъ засѣданіемъ по этому дѣлу, когда различныя дамы изъ общества удивлялись моему „непозволительно-мягкому“ отношенію къ подсудимой и, негодуя на оправдательный приговоръ, находили, что ее-то и слѣдовало наказать особенно строго за ея неумѣстную откровенность. „Кто ее ткнулъ за языкъ?“ спрашивали меня нѣкоторыя чувствительныя особы съ нескрываемымъ къ ней презрѣніемъ. Я получилъ и нѣсколько открытыхъ анонимныхъ писемъ съ намеками на то, что мое снисходительное къ ней отношеніе, конечно, ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено, какъ влюбленностью, столь неумѣстною въ прокурорѣ. Такое вольное и невольное непониманіе роли прокурора съ особенной силой проявилось въ нашумѣвшемъ въ свое время дѣлѣ Мясниковыхъ, обвиняемыхъ въ составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени разбогатѣвшаго приказчика ихъ отца Бѣляева, коимъ все его очень большое, но запутанное состояніе, заключавшееся въ разныхъ предпріятіяхъ, лѣсныхъ дачахъ, пріискахъ, паяхъ и т. п., было будто бы оставлено имъ своей женѣ, которая не замедлила по договору передать его подсудимымъ за 392 тысячи, чѣмъ были нарушены права законныхъ наследниковъ, отдаленныхъ родственниковъ мнимаго завѣщателя.

Отсутствіе здоровой политической жизни въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ сказывалось въ томъ страстномъ отношеніи, которое проявляли различные круги къ процессамъ, выдающимся или по свойству преступленія или по общественному положенію

обвиняемыхъ. При всякаго рода стѣснительныхъ и запретительныхъ мѣрахъ по отношенію къ публичнымъ чтеніямъ—сравнительно свободная рѣчь могла быть услышана, за исключеніемъ рѣдкихъ публичныхъ засѣданій ученыхъ обществъ, лишь изъ проповѣдническихъ устъ духовныхъ ораторовъ, на официальныхъ торжествахъ и юбилеяхъ и, наконецъ, въ судѣ. Но на духовномъ витійствѣ лежала мертвящая рука, втискивавшая живое слово въ узкія рамки предвзятыхъ и не связанныхъ съ вопросами жизни текстовъ. Этимъ, конечно, объяснялся успѣхъ такихъ ораторствующихъ богослововъ, какъ, напримѣръ, пресловутый лордъ Редстокъ, пріѣзжавшій гастролировать въ Петербургъ. Въ его развязномъ обращеніи съ Евангеліемъ и въ великосвѣтской проповѣди „вѣры безъ дѣлъ“ слышалось все-таки независимое слово, и это невольно плѣняло слушателей, давно мучимыхъ духовнымъ голодомъ.

Такъ же мало удовлетворенія доставляли и разные торжественныя юбилейныя и застольныя рѣчи. Произносимыя въ узкихъ предѣлахъ даннаго случая, онѣ были проникнуты той условной ложью, которая заставляла звучать изображеніе дѣйствительности „октавой выше“, при чемъ иногда самъ юбиляръ или иной „виновникъ торжества“ долженъ былъ чувствовать себя сконфуженнымъ отъ раздутаго превознесенія своихъ скромныхъ заслугъ предъ вѣдомствомъ, отечествомъ и даже человечествомъ, въ глубинѣ души, быть можетъ вспоминая стихъ Гаммерлинга: „Lasst uns lachen—über die Grossen—die keine sind“. Къ тому же эти торжества бывали доступны небольшому числу лицъ. Оставались судебныя засѣданія. Здѣсь слово тоже было ограничено конкретными обстоятельствами даннаго дѣла, но оно вырабатывалось въ свободной и наглядной борьбѣ сторонъ и въ содержаніе его вливалась неподдѣльная настоящая жизнь съ ея скорбями, паденіями и роковыми осложненіями, при чемъ толкованіе закона открывало путь критикѣ различныхъ общественныхъ отношеній. Поэтому въ словахъ подсудимыхъ, свидѣтелей, защитниковъ и подчасъ самихъ обвинителей и въ поведеніи публики нерѣдко слышались отголоски отдаленныхъ надеждъ, душевной неудовлетворенности, возмущеннаго чувства или сдержаннаго негодованія на тяжкія условія и обстановку официальной жизни и общественной среды. Какъ ни старался судъ иногда оградить себя отъ внѣшняго міра съ его страстями и упованіями плотною строгихъ процессуальныхъ правилъ, напоръ бывалъ такъ силенъ, что взволнованная общественная стихія, просачиваясь сквозь послѣднюю, то тутъ, то тамъ прорывала ее и вторгалась въ спокойное отправление правосудія. Нашъ новый судъ долгое время былъ единственной отдушиной, въ которую неизбежно

и неотвратно вылетали со свистомъ и шумомъ пары повсюду пригнетаемыхъ общественныхъ вождельній. Это заставляло при каждомъ выходящемъ изъ ряду дѣлъ волноваться всѣ тѣ элементы, которые, не будучи призваны судить, приходили однако въ соприкосновеніе съ судомъ. Понятно, какую роль при этомъ могла играть и играла ежедневная печать, отражая на себѣ это волненіе. Въ дѣлѣ Мясниковыхъ было нѣсколько поводовъ для возбужденія исключительнаго и болѣзненнаго любопытства публики. Дѣло тянулось четырнадцать лѣтъ, по большей части въ старыхъ судахъ, нѣсколько разъ кончаясь ничѣмъ и снова возникая. А суды эти не безъ основанія внушали обществу подозрительное къ себѣ отношеніе. Обвиняемые были людьми очень богатыми и ихъ монументальный домъ на Знаменской улицѣ въ то, еще бѣдное красивыми постройками въ Петербургѣ, время, напротивъ не разъ останавливало на себѣ завистливое вниманіе проходящихъ. Одинъ изъ Мясниковыхъ былъ адъютантомъ главнаго начальника III Отдѣленія, т. е. состоялъ въ глазахъ общества въ ближайшемъ распоряженіи той власти, къ которой оно, въ лицѣ многихъ, относилось съ чувствомъ боязливаго и тревожнаго недружелюбія. Вокругъ наследственныхъ правъ безвѣстнаго саранульскаго мѣщанина Ижболдина, предъивившаго гражданскій искъ о признаніи завѣщанія подложнымъ, образовалась группа далеко не безкорыстныхъ радѣтелей и участниковъ будущаго дѣла, конхъ, конечно, лишь съ этой точки зрѣнія интересовало предстоящее „торжество правосудія“, къ которому они усилленно и постоянно взывали на довѣрчивыхъ страницахъ мелкой прессы. Все это, вмѣстѣ взятое, создало напряженный интересъ къ дѣлу.

Подсудимые, Александръ и Иванъ Мясниковы,—изъ которыхъ одинъ, старшій, разбитый жестокимъ параличемъ, производилъ, лежа въ длинномъ креслѣ, очень тяжелое впечатлѣніе—виновными себя не признали,—а третій подсудимый, мѣщанинъ Амфилогій Каргановъ, сознавшійся въ поддѣлкѣ подписи Бѣляева на завѣщаніи,—имѣлъ видъ нервно-больнаго человѣка, очень волновался, съ трудомъ овладѣвалъ нитью разсказа и настойчиво сбивался на повѣствованіе о своей жизни на отдаленномъ заводѣ, гдѣ онъ предавался безпробудному пьянству, обрекаемый на него скукой и разладомъ съ женою, бывшею прежде „близкою знакомой“ одного изъ обвиняемыхъ. Предъ судомъ прошло множество разнорѣчивыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ нѣкоторые, особливо со стороны гражданскаго истца, давали показанія, съ чрезвычайной страстностью,—а настоящая по моему мнѣнію потерпѣвшая, Екатерина Бѣляева, женщина уже весьма не молодыхъ лѣтъ, въ свѣтлой шляпкѣ съ розами, горячо и

упорно заступалась за подсудимыхъ, считая себя вполне удовлетворенной полученными отъ Мясниковыхъ деньгами. Гдѣ было нужно, она отыбалась ослабленіемъ памяти—и стойко выдержала болѣе, чѣмъ двухчасовой перекрестный допросъ, вовсе не представляя изъ себя „трещетной лани“, какъ ее называлъ на смѣшливо повѣренный гражданскаго истца. Судебныя пренія были очень оживленныя и продолжительныя. Кончая свою обвинительную рѣчь, я сказалъ: „Господа присяжные, обвиненіе мое окончено;—я старался, не увлекаясь, спокойно и сжато изложить передъ вами существенныя обстоятельства этого сложнаго дѣла и тѣ данныя, которыя почерпнуты мною изъ письменныхъ документовъ. Если я упустилъ что-либо, то дополнить это ваша память, въ которой отпечатлѣлись, безъ сомнѣнія, всѣ черты, всѣ отбѣски этого дѣла. Я обвиняю Александра Мясникова въ томъ, что онъ задумалъ составить подложное завѣщаніе отъ имени Бѣляева и привелъ это намѣреніе въ исполненіе. Ни въ общественномъ и матеріальномъ его положеніи, ни въ его образованіи не нахожу я никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно бы говорить о снисходительномъ отношеніи къ его поступку: онъ виновенъ — и только виновенъ. Обращаясь къ Ивану Мясникову, я по совѣсти долженъ заявить, что въ дѣлѣ нѣтъ указаній на его непосредственное участіе въ преступленіи. Это не значитъ, однако, чтобы онъ не участвовалъ въ немъ косвенно. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ Мясниковъ не могъ бы рѣшиться составить подложное завѣщаніе, не имѣя на то предварительнаго, быть можетъ молчаливаго, согласія со стороны брата,—онъ не могъ бы составить завѣщанія, не бывъ напередъ увѣренъ въ томъ, что братъ его безпрекословно приметъ всѣ послѣдствія этого, что при этомъ между ними не выйдетъ недоразумѣній. Ему надлежало быть увѣреннымъ, что Иванъ Мясниковъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы въ то время, когда онъ станетъ дѣйствовать. Иванъ Мясниковъ зналъ хорошо, какое преступленіе готовится, и не остановилъ брата, не предупредилъ своимъ вліяніемъ преступленія, не напугалъ своими угрозами. Поэтому я обвиняю Ивана Мясникова въ попустительствѣ. Карганова я обвиняю въ томъ, что онъ, послѣ подготовительныхъ занятій, подписалъ бумагу чужимъ именемъ, зная, что это дѣлается для духовнаго завѣщанія. вмѣстѣ съ тѣмъ, не могу не замѣтить, что Каргановъ былъ орудіемъ въ рукахъ другихъ, умственно и матеріально болѣе чѣмъ онъ сильныхъ лицъ, что онъ находился подъ давленіемъ своей привязанности къ хозяевамъ, и что жизнь его разбита навсегда и непоправимо. Я прошу васъ поэтому признать его заслуживающимъ полнаго снисхожденія; равнымъ обра-

зомъ, думаю я, что не будетъ несправедливымъ признать заслуживающимъ снисхожденія и Ив. Мясникова. Взглянувъ на него, близкаго къ гробу и разбитаго параличемъ, вы, господа присяжные, поймете, подъ вліяніемъ какого чувства я указываю вамъ на возможность этого признанія. Излишне говорить вамъ, что приговоръ вашъ будетъ имѣть большое значеніе. Дѣло это тянется *четырнадцать* лѣтъ и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось по отношенію къ нему то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Подсудимыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебного ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть судъ правильный, не есть судъ свободный отъ увлеченій, общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно в—или жестоко не по вицѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія по этому дѣлу не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой высшій судъ,—судъ общественной совѣсти. Это—вашъ судъ, господа присяжные. Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допуститъ васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невинными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна—или скрѣпите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ моими доводами и проникнетесь моимъ убѣжденіемъ, то изъ него будетъ видно, что передъ судомъ по Судебнымъ Уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны“...

Присяжные наследатели совѣщались пять часовъ и среди всеобщаго напряженнаго вниманія вынесли рѣшеніе о томъ, что завѣщаніе не подложно, и тѣмъ самымъ произнесли оправдательный приговоръ относительно подсудимыхъ. Приговоръ этотъ былъ понятенъ. Если съ нимъ трудно было согласиться съ точки зрѣнія тяжести и доказательности уликъ, собранныхъ по дѣлу, совокупность которыхъ должна бы привести присяжныхъ къ обвинительному отвѣту, согласному съ логикой фактовъ, то съ другой стороны, съ точки зрѣнія житейской, рѣшеніе присяжныхъ было легко объяснимо. Предъ ними были люди, выстрадавшіе четырнадцать лѣтъ мучительнаго состоянія подъ подозрѣніемъ; одинъ изъ нихъ лежалъ предъ ними безсильный и разрушенный физически, другой—

Каргановъ—стоялъ полуразрушенный духовно, собирая послѣднія силы своего мерцающаго ума на защиту своихъ бывшихъ хозяевъ. Если изъ дѣла выяснялось, что путемъ подложнаго завѣщанія Мясниковы завладѣли имуществомъ Бѣляевой, то съ другой стороны было съ несомнѣнностью ясно, что все это имущество было Бѣляевымъ приобрѣтено отъ Мясниковыхъ, благодаря участію его въ ихъ дѣлахъ. Присяжнымъ было видно, что Бѣляевъ съ преданностью нѣрнаго слуги любилъ сыновей своего стараго хозяина, какъ родныхъ дѣтей и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, какъ видно было изъ клочковъ бумаги, на которыхъ онъ пробовалъ написать проектъ завѣщанія, объ обезпеченіи своей жены, но не выразилъ этого оковчательно, вѣроятно лишь по свойственному многимъ боязливому отвращенію къ составленію завѣщанія. Затѣмъ, въ дѣлѣ не было дѣйствительно *пострадавшаго отъ преступленія* и ввергнутаго въ нищету или тяжелое матеріальное положеніе, такъ какъ та спутница жизни Бѣляева, которой онъ несомнѣнно собирался оставить часть своего имущества, признавала себя совершенно удовлетворенной и обезпеченной сдѣлкой съ Мясниковыми, доказывая своимъ поведеніемъ во время тяжелаго допроса на судѣ, что *volenti non fit injuria*. Наконецъ, къ этому имуществу тянулись жадныя руки цѣлой компаніи искателей золотого руна, своего рода аргонавтовъ, окружившихъ совершенно чужого для Бѣляева человѣка, ничѣмъ не заслуженное благополучіе которыхъ должно было быть построено, въ случаѣ признанія завѣщанія подложнымъ, на ссылкѣ въ Сибирь трехъ предстоявшихъ передъ судомъ людей. Все это должны были видѣть и чувствовать присяжные засѣдатели. И они произнесли оправдательный приговоръ, отпустивъ подсудимымъ ихъ вину. Такъ же поступили черезъ полгода и присяжные засѣдатели въ Москвѣ,—куда вслѣдствіе кассацин, согласно моему протесту, приговора было перенесено дѣло Мясниковыхъ,—несмотря на крайнія усилія повѣреннаго гражданскихъ истцовъ, подготовлявшаго обвинительный приговоръ статьями въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и усиленнымъ розысканіемъ и доставленіемъ въ Москву новыхъ свидѣтелей обвиненія, показаніе одного изъ которыхъ вызвало оригинальный вопросъ присяжнаго засѣдателя: „значить, вы состоите у мѣщанина Ижболдина на *исждивеніи*?“

Приговоръ петербургскихъ присяжныхъ вызвалъ въ Петербургѣ ропотъ и шумные толки, искусно подогрѣваемые и питаемые матеріальнымъ разочарованіемъ „аргонавтовъ“. На судѣ посыпались самыя грубыя нареканія и инсинуаціи. Окончаніе моей рѣчи вызвало въ печати ядовитыя выходки. Мнѣ не хотѣли простить того, что я не представилъ изъ себя французскаго обвинителя, выдающаго въ

оправдательномъ приговорѣ личную для себя обиду. Не только мелкая пресса, но и нѣкоторые болѣе солидные органы—выразившіе четыре года спустя свое крайнее сожалѣніе по поводу оставленія мною прокуратуры,—нападали на меня за *слабость* обвиненія, а одинъ, имѣвшій крупную извѣстность въ беллетристикѣ, талантливый улавливатель общественныхъ настроеній даже назвалъ въ своемъ фельетонѣ мое обвиненіе защитительною рѣчью. Вообще вокругъ рѣшенія присяжныхъ загорѣлась страстная полемика, вызванная тѣми причинами, лежащими въ общественномъ строѣ, на которыя я указалъ выше. Тогда только что были введены открытыя письма съ исключенною впоследствии надписью, что почтовое управленіе не отвѣчаетъ за содержаніе письма. И я сталъ получать ругательныя письма самаго злобнаго содержанія, при чемъ, судя по стилю, иногда по нѣскольکو штукъ ихъ подъ рядъ исходили отъ одного и того же лица, которому, очевидно, доставляло особое удовольствіе дѣлаться своимъ негодованіемъ съ почтальонами и швейцарами. Я былъ молодъ, впечатлителенъ и еще недостаточно „обстрѣленъ“ въ общественной дѣятельности, и вся эта травля противъ меня, суда и присяжныхъ дѣйствовала на меня удручающимъ образомъ. Но и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, я не могу безъ грусти вспомнить о томъ ослѣпленіи, къ которое вводилось по рядовому въ сущности дѣлу общественное мнѣніе. *Vivit sub rectore vulnus!*—Присяжные засѣдатели, какъ форма суда, составляли одно изъ драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній для безправнаго и безгласнаго русскаго общества, а въ судѣ шла творческая работа по созданію согласныхъ съ народнымъ характеромъ и требованіями истиннаго правосудія типовъ судебныхъ дѣателей — прокурора, защитника и судьи. Миѣ было тяжело видѣть грубое и въ значительной степени умышленное непониманіе моего участія въ этой работѣ и искаженіе смысла моихъ словъ, въ особенности со стороны тѣхъ, кто, горделиво присваивая себѣ роль руководителей общественнаго мнѣнія, такъ мало заботились о его нравственномъ воспитаніи по отношенію къ свитому дѣлу правосудія. Непосредственные результаты этой шумихи и ея практическая безплодность сказались очень скоро. Въ Москвѣ, гдѣ обвиненіе метало грома и молнія въ подсудимыхъ, а гражданскій истецъ ожесточенно копался въ интимныхъ подробностяхъ ихъ жизни, присяжные совѣщались по дѣлу лишь *полчаса* и вынесли такой же приговоръ, какъ въ Петербургѣ.

Не избѣжала нападеній по этому дѣлу и адвокатура. Противъ К. К. Арсеньева было воздвигнуто цѣлое словесное и печатное гоненіе за то, какъ смѣлъ онъ выступить защитникомъ одного изъ Мясниковыхъ. Были забыты его научныя и литературныя заслуги.

благородство его судебныхъ пріемовъ и то этическое направленіе въ адвокатурѣ, котораго онъ, вмѣстѣ съ В. Д. Спасовичемъ, былъ виднымъ представителемъ. Люди, знакомые съ дѣломъ лишь по случайнымъ фельетонамъ, сенсационнымъ замѣткамъ и заугольному шушуканію „аргонавтовъ“, не хотѣли допустить мысли, что онъ могъ быть убѣжденъ въ невинности обратившагося къ нему подсудимаго, и съ пѣной у рта вопили о полученномъ имъ за свой тяжелый и продолжительный трудъ воплѣ законномъ вознагражденіи. Быть можетъ, въ этихъ занисливыхъ нападкахъ лежала одна изъ причинъ того, что вскорѣ русская адвокатура утратила въ своихъ рядахъ такого безупречнаго и чистаго, какъ кристаллъ, дѣтеля.

А. Ѳ. Коня.

